

СОЧИНЕНІЯ
АКИМА НАХИМОВА,
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗЪ,
НАПЕЧАТАННЫЯ ПО СМЕРТИ ЕГО.

Блеснуть искусствомъ я нimalo не искалъ;
Что сильно чувствовалъ, то смѣло написалъ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1822.

Printed in USSR

891.7N145

h

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

свѣдѣн, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ
Типографіи, представлены были въ Цензурный
Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для пре-
провожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній.
С. Петербургъ. Іюня 12 дня 1821 года.

*Ценсоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тилковский.*

JUN 12 1957 OM

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стран.

Мѣнѣе о сочиненіяхъ Нахимова	5
Описаніе жизни Акіма Николаевича Нахи- мова	7
Къ самому себѣ	21

I. Сатирическія сочиненія.

Предисловіе къ Россійской Грамматикѣ	29
Элегія	31
Звѣриецъ	33
Отрывки изъ Пурсоніады изъ первой пѣсни	39
— Изъ второй пѣсни	41
Рѣдкости, которыхъ удалось мнѣ видѣть	44
Забавная бесѣда	46
Поэмы и Машемашинѣ	47
Мерзилиннѣ	51
Описаніе славнаго парика	53
Пѣснь лумѣ	54
Саранча	56
Отрывки изъ письма пріятели моего	58

II. Б а с н и.

Живописецъ	65
Орелъ и стрѣлокъ	66
Ласточка и колоколъ	67
Ошкунчикъ и Харонъ	—
Море и рыба	69
Юлишеръ и нешолыри	—
Юлишеръ и Фавнъ	70
Цѣсны и солнце	71
Молодой орелъ	72
Мѣльница безъ мѣльника	—
Разговоръ о соловѣ	73
Парикъ и болванъ	—
Вольты и лашъ дѣ	74
Свиньи и агнеицъ	75
Пчела и оса	76
Моська и собака на привязи	77
Былъ и алмазъ	78
Желѣзо и кузнецъ	—

Находка	79
Дуракъ и драгоценный камень.	—
Барышнямъ	80
Осель въ щастіи	81
Дамокъ	82

III. Надписи.

Суворову	85
Пышному мавзолею	—
Неизвѣстному сочинителю Пѣсни Игорю.	—
Злонраву	86
Кляшу	—

IV. Эпиграмы.

Польскому Королю Попилу	89
Тарасу-авшору	—
Кляшу	—
По случаю описыванія поршреша	90
Нѣ Вѣшранамъ	—
Гуру	—
Скупягѣ	—
Пигмадіону	91
Кляшу	—
Нѣ моднымъ женщинамъ	—
Кушейину	92
Нѣ набѣленной кокеши	—
Ленарю	—
Золотой дождь	93
Ослу вельможѣ	—
Франшу	—
Фокѣ	94
Виршуозу Аншину	—
Ему же	—
Ему же	95
Бомбастусу	—
Весельчану	96
Ему же	—
Кляшу	—
Глузону	97
Чортѣ и Смерти	—

Вопросъ Француза и отвѣтъ Русскаго	97
Гораціеву подражашелю	98
Ему же	—
Ему же	—
Педаншу сочинившему эпиграмму	—
Сновидѣніе	99
Хрѣнобду	—
Подвѣчю	—
Глупому Сшикошворцу	—
Безбожнику	100
Федулу	—
Слау	—
Прекрасному, но глупому мужицѣ	—
Гуру	101
Ему же	—
Танцмейстеру Легкосному	—
Клѣтѣ	102
Невѣроянный слухъ	—

V. *Эпиграмы.*

Петру Великому	105
Завоевашелю	—
Надушю	—
Вельможѣ	—
Моисѣю, погибшему отъ любви	106
Аннинѣ виршуозу	—
Ему же	—
Ему же	107
Ему же	—
Денарю	—
Игроу	108
Бардусу	—
Одному молодому человѣку	—
Г . . . . . У	109
Высокоученному	—

VI. *Разныя жблкія стихотворенія.*

На полученіе Кандидатскаго достоинства	113
Стихи по прочтеніи Сумарокова	114
Похвала гусиному перу	—

Фортуна	115
Къ явишорой шнашулкѣ	—
Зеркало и уродѣ	116
Сравненіе	—
Кончина одного молодого, знатнаго и бога- шаго человека	117
Собаки	—
Къ людямъ	118
Спики на пуши изъ города въ деревню	—
Цѣвочникъ	—

VII. Лиригескія сочиненія.

Поэшь	121
Злашое время	124
Осень	126
Къ Россіи	127

VIII. Статьи Селщеннаго содержанія.

Пѣсь върѣ	131
Сонешъ	138
Молишва	—

IX. Прозаигескія сочиненія.

Сказаніе о Ѳемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ	141
Историческое и философическое рассу- деніе о блохѣ	150
Словесныя обезьяны	155
Разговоръ между двумя мертвецами и Мер- куриемъ	165
Нѣчто объ укѣ и просвѣщеніи	174
О памяти	178
О различіи между памяшью, воображеніемъ и рассужденіемъ	182
Взглядъ на прозьбу къ Александру I достой- нѣйшаго сына Фельдмаршала Гумянцева - Задунайскаго	185
Примѣръ правительсшва сильнѣе законовъ	188
Гимнъ славъ	192

МНѢНІЕ О СОЧИНЕНІЯХЪ НАХИМОВА.

Сочиненія Нахимова ни мало не похожи на панія, которыя до тѣхъ только порѣ и живущѣ, пока они на языкѣ у самаго автора. Въ нихъ видна равная степень изобрѣтательности и опдѣлки. Правда, пороки, которые онѣ разилѣ, по гнусности своей, разнообразны до безконечности. Но признаваться надобно: чѣмъ шруднѣе брашь ихъ истинно саширическія стороны, тѣмъ болѣе потребно искусства и остроумія для того, чтобы сдѣлать ихъ пріятными даже тѣмъ, отъ кого они заимствованы, и не оскорбить понякаго чувства людей образованныхъ. — Нахимовъ успѣлъ въ этомъ совершенно.

Забавно для насъ одно только, именно: многіе, разумѣется такіе, которые уже не стоятъ бумаги и гернилѣ, берутъ нѣкоторыя опривни его прямо на свой щепѣ. Всякой подумаетъ, что такіе вмѣняящѣ себя въ честь — видѣтъ почное изображеніе себя въ печатной книгѣ и еще спихами, да и опмѣнными!

Замѣшимъ для таковыхъ, что критика, сатира и пасквиль, сколько по видимому ни похожи другъ на друга, но разнятся между собою чрезвычайно. Всѣ шри имѣющѣ въ

предметѣ—выспавлять недоспапки произведеній человѣческихъ; но

Критика показываеѣтъ погрѣшности и ошибки для того, чѣобы воспользовался замѣчаніями тогда, къ кому они относятся. Припомѣ справедливый кришникъ замѣчаеѣтъ и совершенства.

Сатира показываеѣтъ одни недоспапки и остроумно осмѣиваеѣтъ ихъ, не касаясь личности тѣхъ, въ комѣ замѣчающа сѣя недоспапки.

Пасквиль также показываеѣтъ недоспапки и осмѣиваеѣтъ ихъ; но тутѣ сочинитель указываетѣ именно на какое нибудѣ лицо. А поелику въ образованныхъ обществахъ всякой такой поступокъ противенъ благоприсшойности и при томѣ вреденъ для описываемаго лица, то такая сочиненія строго запрещаются.

Кудажѣ теперь опнесемѣ мы сочиненія Нахимова? Конечно ко второму роду. И смѣшенъ будетѣ тогда, кто превратитѣ сатиру въ пасквиль для себя.

(Украинской Вѣстникѣ 1816. N I.)

Въ концѣ прошлаго 1818 года вышла въ С. Петербургѣ книжка (*) подѣ названіемъ: *Память о Харьковскомъ Стихотворцѣ Акимѣ Николаевичѣ Нахимовѣ*, написанная Докторомъ В. Масловичемъ. Въ сей *Памяти* помѣщены краткая біографія и скромное замѣчаніе на оба изданія его Сочиненій. Въ самомъ началѣ ея, послѣ не новыхъ впрочемъ поняшій о любви къ родинѣ, изложены также очень благовидно и побужденія, привлекшія сочинителя къ жизнеописанію Харьковскаго пѣвца: —это собственная его любовь къ родинѣ (стр. 6) и признательность къ дарованіямъ Стихотворца Нахимова (стр. 7) (**). Какимъ бы впрочемъ ни были сіи побужденія, прудъ Г. Масловича, предпринятый для чести

(*) Напечатана въ типографіи Н. Греча.

(**) Да будетъ позволено сдѣлать здѣсь не уступающее въ скромности замѣчанію Г. М. шаковее. были причины, гораздо сильнѣйшія вышеприве-

единоземца, дѣйствительно былъ бы похваленъ и принесъ бы самому ему честь, есль бы онъ память объ немъ, или біографію, составилъ основательную и справедливую; но, къ сожалѣнію, сего въ ней нѣтъ. Всякой, кому только угодно взглянуть въ *Память Г. М.*, сравнивъ ее съ точною, ниже сего изложенною его біографіею, почти на каждой страницѣ найдетъ анахронизмы и другія несообразности. И не удивительно: Г. М. писалъ ее по слуху, въ чемъ однакоже не признался, сѣдовательно въ его сочиненіи нѣтъ и искренности; но что, всего удивительнѣе, что Г. М., бывъ самъ любитель и производишель стиховъ, не постигъ насущаго характера Нахимова изъ его стихотвореній, и отъ того приписалъ ему одну скромность, на какихъ-то страницахъ его основанную (стр. 22). Все вышесказанное подало

денныхъ Сочинишель побужденій, кои, какъ сказано, вырвали у него столь поспѣшное и отъ того во многомъ нескладное изданіе памяти о *Х. С. Нахимовѣ. Изд.*

поводѣ при семъ прешлемъ изданіи помѣ-
спись, вмѣсто предисловія, краткую, но
болѣе точную біографію Нахимова, то есть
безъ анахронизмовъ, и насповащій характеръ
Сочинителя изображающую.

Акимъ Николаевичъ Нахимовъ, Кандидатъ
Императорскаго Харьковского Универси-
тета и Авторъ издаваемыхъ теперь сочине-
ній, родился Слободскою Украинскою Губернію
въ Богодуховскомъ уѣздѣ отъ вповаго брата
Поручика Николая Мануйловича Нахимова
съ дворянкою Сербскаго рода изъ фамиліи
Райковичей, а умеръ уже помѣщикомъ Харь-
ковского уѣзда въ той же Губерніи. Преклон-
ность лѣтъ отца и слабое сложеніе матери,
върошно, были причиною, что оба брата,
отъ сего брака рожденные, шанже не крѣпки
были пѣломъ и не долговѣчны (*). Но это
не мѣшало выпренности духа и силъ даро-

(*) Меньшой братъ покойника одного былъ съ нимъ
сложенія и умеръ отъ той же болѣзни Штабсъ-
Ротмистра въ ошсавѣ, почти однихъ лѣтъ.

ваній. Сіе наипаче доказавъ собою описываемый нами Авшоръ. Сложеніе его было нервное, въ высочайшей степени удобораздражимое; пасмурная погода и всякое огорченіе поражало его необыкновенно и шягопило безъ мѣры. Даръ — насполящаго Генія. Можно привести этому два свидѣтельства: первое собственноручную его записку, дѣланную имъ о себѣ для бывшаго извѣстнаго Докшора Трофимовскаго и найденную по смерти при разборѣ бумагъ. Въ сей запискѣ говоритъ онъ, что въ 15 лѣтъ онъ уже имѣлъ такое воображеніе, что для него пици въ семъ мірѣ не было — онъ чего онъ не рѣдко приходилъ въ отчаяніе. Второе, что онъ писывалъ всегда не приготавлиаясь, а когда только внушрениія сила его приходила въ сопрясеніе. Въ это время взоръ его дѣлался необыкновенно свергающимъ и разноцвѣшнымъ, и въ это-то время онъ изливалъ мгновенно негодованіе свое на пороки и гнусности людей. Природа, особенно, кажешся, влила въ душу его чувствъ отвращенія ко всему несправедливому

и смѣшному, впечатлѣнія коихъ дѣйствовали на него до изступленія.

Первое начало образованію своему положилъ онъ въ Благородномъ Московскаго Университета Пансіонѣ, гдѣ еще въ юныхъ лѣтахъ замѣчена въ немъ особенная способность и склонность къ упражненіямъ въ Словесности, и нѣкоторыя изъ *опытовъ* его въ ней помѣщены въ издачныхъ тогда Журналахъ. Поступивъ потомъ въ военную службу, именно въ Мариупольской Гусарской полкъ Юнкеромъ, больше изъ обыкновенія, существующаго въ сословіи Россійскаго дворянства, нежели сколько по склонности, не долго въ ней оставался, а вышедши въ отставку нѣмъ же чиномъ, отправился въ С. Петербургъ для опредѣленія къ спанскимъ дѣламъ. Въ сіе-то время испыталъ онъ жребій, каковому нерѣдко подвергающся пылкость и неопытность молодыхъ людей; жребій, доставившій ему случай узнать споль основательно жрецовъ и причетниковъ

какъ онъ самъ выразился, храма Семиды, (*) поселишь въ душѣ къ поступкамъ ихъ омерзѣніе, и когда и дальнѣйшіе опыты въ жизни продолжали увѣрять его въ томъ же, описашъ оныя такими рѣзкими чертами, какими наполнены его сочиненія объ нихъ. Сей случай глубочайшее сдѣлалъ въ немъ впечатлѣніе, и онъ не забылъ въ баснѣ своей *Молодой Орелъ*, въ концѣ которой, въ предостереженіе подобнымъ ему, говоритъ:

„О пылкой юноша! не шорокся въ свѣтъ:

„Чѣмъ пламениѣ ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.“

Послѣ споль неудачнаго вспуления въ свѣтъ по гражданской службѣ, которую и долженъ онъ былъ оставить, возвращеніе его изъ Столицы въ домъ послѣдовало почто почши въ самое время открытія Университета въ Харьковѣ. Сколько любовь къ познаніямъ и удобность приобрѣсти оныя въ семъ мѣстѣ, сколько не меньше справедли-

---

(*) Смощи описаніе путешествія Семиды, или сказаніе о Семидѣ.

вое желаніе существовать морально—внесли
 имя его въ списокъ самоопытныхъ Студен-
 товъ. Обладавъ уже основательно языками
 Нѣмецкимъ, Французскимъ и Англійскимъ,
 равно и теорією Словесныхъ наукъ, въ про-
 долженіе трехгодичнаго съ половиною курса,
 онъ преимущественно знакомился съ Грече-
 скими и Латинскими классиками, для чего
 даже бралъ уроки паршикулярно, и практи-
 ческою Словесностію. Оканчивая курсъ,
 цѣль достигнуша, ревность и успѣхи въ на-
 укахъ получаютъ должное воздаяніе—сте-
 пень Кандидаша; время полученія диплома на
 сіе достоинство было пою торжественною
 минушою, въ которую онъ воскликнулъ:
 „Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ!“ (*)
 Ключъ же выразумѣнія сего восторга въ пре-
 дыдущихъ спровахъ находишься.

По споль опличномъ окончаніи учебнаго,
 шава сказаць, карьера въ Іюнь 1808 года,
 мысль объ устройеніи себя на будущее время за-
 няла нашего Автора. Почему опсправившись

(*) Смощра списки на Кандидашское достоинство.

въ деревню, родителемъ ему въ наслѣдство назначенную, принялъ ее подъ надзоръ свой, стараясь между шѣмъ приискать себѣ достойную подругу жизни. Вскорѣ Промыслъ указалъ ему пановую (*) по сердцу, въ собѣдствѣ, съ кою и вступилъ онъ въ супружество въ Генварѣ 1810 года. Въ сіе-то время ославлялъ онъ не мирные лѣса (**), (ибо деревня его лежишъ больше въ степныхъ мѣстахъ), а мирный кровъ свой и семейныя удовольствія, для преподаванія Словесности въ курсѣ, для гражданскихъ чиновниковъ, учрежденномъ при Харьковскомъ Университетѣ. Будучи попомъ убѣждаемъ домашними обстоятельствомъ и неудобностию поѣздки, для одной лекціи въ недѣлю, почти за пятьдесятъ верстѣ, и не докончивши, оставилъ оный въ половинѣ 1811 года. Около сего времени начали ему встрѣчаться, одно

(*) Въ фамиліи дворянъ Бежановыхъ.

(**) Смолри. Память. М. стр. 23.

за другимъ, родственныя и семейныя огорченія, сильно подѣйствовавшія на соспояніе его здоровья и самой жизни. Вдругъ лишается онъ любимой сестры, попомъ погребается почтеннаго родителя; возвращается въ домъ и находитъ единственную опраду свою — единственнаго сына — первенца при послѣднемъ издыханіи. Смерть, не пощадившая сего малюшку, поразила горестію отца его до такой степени, что съ сей поры справедливо полагаешь надобно начало и собственнй его кончины. Хотя всеблатому Промыслу угодно было вскорѣ утѣшить его рожденіемъ дочери, и попомъ другой; но прежнее здоровье его никогда уже не воспановлялось. Наконецъ усиливающаяся слабость довела его до чахотной лихорадки (*) (febris hectica), отъ коей онъ и скончался на 33 году своего возраста Іюня 17, 1815 года. (**)

(*) Память М. сряя. 31.

(**) Надъ гробомъ его учрежденъ престолъ во имя С. Іоакима и Анны почтенною вдовою покойника.

Здѣсь по порядку слѣдовало бы сказать иѣ-
что о наружности Нахимова; но поелику онъ
самъ себя лучшимъ образомъ изобразилъ въ
слѣдующей ниже сего піесѣ къ самому себѣ,
то я и умолчу объ ней. Нельзя однакожь ос-
тавить безъ всякаго замѣчанія тѣ мѣста
изъ *Памяти* Г. М., въ коихъ онъ говоритъ о
коопшумѣ, образѣ жизни, добродѣтеляхъ и
недоспашиѣ Нахимова (*). По всему видно,
что Г. Сочинитель *Памяти*, выпавивши
единожды Героя своего съ какою-то ориги-
нальною скромностію—и во всемъ, припи-
савши оную спрранносціамъ, коими онъ из-
обиловалъ (стр. 22), былъ уже въ необходи-
мости выдержавъ себя и наполнивъ означен-
ныя спраницы спрранносціями до такой
степени! Почести сказать онъ слишкомъ вы-
исканы и увеличены. Это правда, что Нахи-
мовъ не принадлежалъ къ числу щеголей
(пешимешпробъ), коихъ осмѣивалъ, но одѣвалъ
сея всегда опрятно и прилично; въ худую же
погоду, во время дождя, прохаживавъсь

(*) Онъ стр. 32 до 36й.

(спран. 33) въ одномъ новомъ фракѣ вовсе не могъ пошому, что здоровье его не позволяло, и онъ вообще любилъ купаться; жилъ также соопивъиспвенно своему роду и доспашку, занимая всегда при или два чисныхъ и свѣш-ныхъ покоевъ (шамъ же), а послѣ и весь домъ, имѣя припомъ доспашочную прислугу; поже надобно сказать о зашворѣ оконъ и дверей, свѣчѣ среди дня при дѣйствіи пѣшическаго восторга. (шамъ же). Однимъ словомъ, бывши ему поварищемъ и прѣшелемъ съ начала до конца курса по Университету, я незамѣтилъ подобныхъ въ немъ постоянныхъ оригинальностей, коимъ случайности — имѣя свое исключеніе, — всегда противопологаются. Самое благоразуміе велишъ сюда причислишь все сказанное Г. М. о Нахимовѣ, равно и фризовый верблюжьяго цвѣшу сершукъ, карпузъ особеннаго покроя и суковашую палку (спр. 32). Скажемъ нѣчто и о сиромности, справедливо М. замѣченной, но только и она не была единшвенною; а по вовсе несправедливо, будшо бы она происходила опѣспранностей.

Источникомъ оной было честолюбіе, которое у Нахимова, *si licet parva comperere magnis*, было, такъ сказать, Суворовское. А кто дерзнетъ подумать даже, что скромность сего бессмертнаго Героя происходила отъ спранныстей? Всякой, окомъ любомудрымъ взглянувшій на Сочиненія Нахимова, не посмѣется моему сравненію; и разнородные геніи въ одномъ чемъ либо могутъ встрѣпиться. Наконецъ должно бы сказать здѣсь что либо какъ о добродѣтеляхъ, такъ и недоспашкахъ описываемаго; но я оставляю сіе: и шѣмъ и другимъ достойную цѣну воздасть можетъ одно только правосудіе Божіе; намъ же смертнымъ долгъ великъ слѣдовать первымъ и прощать послѣдніе. Въ заключеніи сего жизнеописанія Издапель Нахимова долгомъ поставляетъ указать нѣкоторыя анахронизмы Г. М. относительно его сочиненій сдѣланные, и отвѣчать на скромныя его замѣчанія: 1) на неправильное раздѣленіе оныхъ при изданіи, и 2) на непомѣщеніе нѣкоторыхъ. Касательно перваго довольно ска-

заявъ, что еще при первомъ изданіи ясно означено было время, когда нашъ Авторъ большую часть написалъ—это пребываніе его въ Университетѣ; почему ошибочно Г. М. отнесъ означенныя (*Пам.* на стр. 28) сочиненія къ позднѣйшему времени, и особенно разсужденіе о словесныхъ обезьянахъ къ 1812 году: оное написано еще въ 1807 году, что доказываешия подлинникомъ его руки— и тогда уже духъ Нахимова предвидѣлъ участь сихъ словесныхъ животныхъ! Далѣе—что я помѣстилъ и въ первомъ и во второмъ изданіяхъ—звѣринецъ въ разрядѣ Сатирическихъ сочиненій, а не въ число Басень. Въ семъ послѣдовалъ я распредѣленію самаго Сочинителя, еще при жизни имъ сдѣланному, по коему вообще первое изданіе и напечатано. Мысль, что Сочинитель не меньше меня и самаго Г. М. разумѣлъ роды, или классификацію сочиненій, совершенно убѣдила меня не дѣлать въ томъ никакой опмѣны. Наконецъ Г. Сочинитель *Памяти*, поимѣявъ мнѣ за то, почему я наравнѣ съ *Мерзилкинымъ* не поспа-

вилъ похвалы ероху и стиховъ рожку, хотя самъ же и оправдываетъ меня короенькимъ разсужденіемъ о выборѣ предметовъ. Однакожь я позволю себѣ замѣтить, что упрекъ сдѣланъ мнѣ неосмотрительно, по естѣ, не вникнувши въ содержаніе *Мерзликаина*, которое весьма хорошо указываетъ на гибельное самнопошествованіе, съ какимъ препоручалось нѣкогда воспитаніе Пурсоньякамъ, ядоносныхъ коихъ наставленія породили не одного Мерзликаина. Спасься можешь, что и сіе шрешье изданіе покажешся Г. М. не во всемъ полнымъ, ибо не всѣ сочиненія помѣщены и нѣтъ онымъ разборовъ. Въ опивѣ на сіе скажу, что первые не всѣ помѣщены бышь могущъ, а послѣдніе признаюшся вовсе не нужными.

Д. Б.

 КЪ САМОМУ СЕБЪ.

Престань Нахимовъ злону свѣща
 И жребій свой ты проклинашь;
 Послушай моего совѣща,
 И ты забудешь посковашь.

Судьба тебѣ опредѣлила
 Въ семъ мѣрѣ нѣсколько пожить;
 По милости своей рѣшила
 Тебя въ число людей вывести.

Такъ сдѣлалось, какъ ей угодно:
 Ты чувствуешь, что ты живешь;
 Летаетъ мыслями свободно,
 Спишь и ходишь, ѣшь и пьешь.

Чегожь, безумный, ты желаешь,
 И жребій свой за что клянешь;
 Тоскуешь, бѣсишься, мечтаешь,
 Съ досады волосы дерешь? —

Тогожь, что жизнь швол не вѣчна,
 Что будешь ты ничто — опять;
 Что дни твои такъ скоротечны,
 Всегда что долженъ смерти ждать;

Что ты не созданъ Исполниомъ, (*)
 Вольшеръ какого описалъ;
 Или Аммона (**) славнымъ сыномъ,
 Предъ коимъ свѣшъ весь пренешалъ.

Сокровищъ Креза не спяжаешь,
 Не споль премудрѣ, какъ Соломонъ,
 Не шавъ красно мысли выражаешь,
 Какъ Демосѣенъ пль Цицеронъ;

Не можешь шавъ играшь на лирѣ,
 Какъ славный Тимоѣй (***) игралъ,
 И дерзосшно паришь въ ѳеирѣ,
 Какъ ибногда парилъ Дедалъ (****);

Прелестнаго Альцибиада
 Что ты не одаренъ красой,
 И милой Нимфы ибжна взгляда
 Пабвишь не можешь ты собой.

Не знаешь свѣшска обращенья:
 Задумчивъ, медленъ, нелюдимъ;
 Не любишь шумнаго веселья:
 Суровымъ кажешься и злымъ;

(*) Мекромегасъ.

(**) Такъ называли Ливійскаго Юпишера. Александръ Македонскій наименовалъ себя его сыномъ.

(***) Милешянинъ, музыкальный стихопворецъ, процѣшавшій около 340 года до Род. Хр. при Александрѣ Великомъ.

(****) Извѣстный Аѳинскій художникъ, спроевишій Лабириншъ въ Кришѣ, въ кошорой и былъ посаженъ первой выѣсщѣ съ сыномъ своимъ Иваромъ, но ошкуда спасся прилѣбвиши крылья къ своимъ и его плечаимъ.

Что ты совсем почти избывешь,
 Как должно с дамой говоришь
 Подсѣшь подъ бомъ ты къ ней не смѣешь,
 Не можешь въ модномъ свѣтѣ жить.

Не то ли духъ твой возмущаетъ,
 И не даешь покойно спать;
 Тебя не то ли заспавляешь
 Всегда на жребій свой ропшаешь?

Или о будущемъ мечтаешь,
 Въ немъ бѣдствія грозящи зришь,
 И ихъ всечасно ожидаешь,
 Чрезъ то себя несчастнымъ чистишь.

- Оставь мечту сію недбну
 И впредь пустаго не желай;
 Пресмань въ шоску вдаваясь слабо,
 Печали мнимы презирай.

Судьба, или Божье провидѣнье
 Тебѣ желало произвестъ
 Не для того, чтобъ лишь мученье
 Тебѣ въ семъ мірѣ перенестъ.

Оно премудро, совершенно,
 Ты въ томъ увѣренъ долженъ быть;
 Законъ его всепремѣнной,
 Чтобъ шварямъ всѣмъ благошворишь.

Но слабый смертный не измѣришь
 Душей невидимыхъ Его;
 Колеблется, воишь, не вѣришь,
 Трепещешь часно ошъ всего.

За шбмв-шо долженъ шы рѣшишься,
 Чшобъ впредь великодушнѣй бышь,
 И что съ шобою ни случился,
 Съ шеривьемъ все переносишь.

Ошъ мнимаго добра прямое
 Всегда старайся ошличашь,
 Чшобъ привидѣнїе пусшое
 За щастїе не почишашь.

Люби всемъ сердцемъ добродѣтель
 И мнѣнїямъ не вѣрь людскимъ;
 Пусть совѣшь будешь лишь свидѣтель
 И мыслямъ и дѣламъ швоимъ.

Досшигнушь мудрости старайся,
 Себя наиболѣ познай;
 Душею къ Богу приаближайся
 И къ ближнему любовь нишай.

Гнушайся глупымъ суевѣрьемъ,
 Неабы бредни презирай;
 Не пышносшью, но просвѣщеньемъ
 Себя ошъ черни ошличай.

Бѣги прищворешва и обмана;
 Боярамъ знаншымъ шы не льсти:
 Въ различныхъ орденахъ болвана
 Болваномъ, а не богомъ чши.

Хощь лешью шо себѣ доставишь,
 Чшо будешь въ леншѣ и съ кресномъ;
 Но щасшливѣ шы чрезъ шо не станешь,
 Коль щасшья идшѣ въ шобѣ самомъ.

Лишь прямо шло блаженъ, ишо чешенъ,
 Находишь сладосшь ишо въ добрѣ:
 Хошь въ мѣрѣ оиъ не шакъ извѣстенъ,
 Но оиъ спокоенъ самъ въ себѣ.

Для добраго ишъ бѣдства въ свѣтѣ,
 Оно злодѣямъ лишь грозитъ:
 Такъ Богъ сказалъ въ своемъ завѣтѣ,
 И шакъ намъ здравый умъ гласитъ.

Хошь смертныхъ часто обольщаетъ
 Богашство, слава, красота;
 Но все шо гинетъ, исчезаеъ,
 Какъ будшо пыль, или мечка.

Одно добро лишь неизменно:
 Его источникъ ешь самъ Богъ!—
 Когдабъ всегда шы несомненно
 Въ сихъ мысляхъ пребывашъ возмогъ:

Тогдабъ шы щасшьемъ наслаждался
 Средь самыхъ гореснѣйшихъ дней,
 И смѣло въ цѣли приближался
 Сей жизни временной своей.

Того смерть шольно ушрашаетъ
 Злодѣйства ишо всегда шворишь!
 Прошедшее его шераеъ,
 Ошрады въ буду емъ не зреть.

Взгляни на злобнаго Нерона,
 Какъ умираеъ ужасно оиъ;
 Сравни Сократа, Фокіона:
 Кончина ихъ . . . прижизнѣ еиъ.—

О семъ Нахимовъ ны приабно
 Всегда какъ станешь размышлять,
 То будешь миро, безмятежно
 Свою ны жизнь препровождашь.

Хотя бы землю съ твердью всею
 Грозилъ бездна поглощать,
 Но мужа праваго душою
 Ни что, ни что не устрашитъ (*).

(*) Найдено написанное на печатной книгѣ послѣ
 первыхъ двухъ изданій при разборѣ библіотеки
 Сочиницелл.

І.

САТИРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РОССІЙСКОЙ
ГРАММАТИКЪ (*).

Блаженъ, кто въ жизни сей съ указкой межъ пер-
сцовъ,
Прошедъ сквозь юсѣ и кси, достигнулъ до слоговъ,
И шаго въ бра и дра прилѣжно углублялся;
Чей умъ во чтеніи довольно подвизался,
И наконецъ, явя въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамоты взошелъ на самый верхъ.
Какъ уголь ошъ золы, шапъ ошъ невѣждъ ошлгченъ,
Кто рисовашъ азы способенъ и привыченъ:
Почтенъ ошъ всѣхъ шакой премудрый человекъ,
И передъ нимъ ничто кузнецъ и дровосѣкъ. —
Въ Россіи изшари ведущая грамотѣи,
Преборзые писцы, прехищры крючководѣи,
Которыхъ дивная, пернатая рука,
Какъ лошадь почтова носибѣжна и прыжка.
Реченныя руки подъ гибкими перстами
Плодятся лищеры съ различными хвостами.
Писашъ — велика вещь, достойная шрудовъ;
Но ляздъ безъ горести зриашъ на шѣхъ писцовъ,
Которы пишушъ шакъ проворно, крючковашо,
Да шолько безъ пуши, не ясно, длиннавашо?
Тарабарщина плодъ ихъ жалкаго пера! —
Подобно до времецъ Великаго Петра

(*) Читайное Сочинишелемъ при началѣ курса Сло-
веснаго для Гражданскихъ Чпновниновъ.

Изъ лыкъ сандалін Чухонцы соплетали,
 Однако же они искуства въ шомъ не знали;
 Но лишь Монархъ на нихъ вниманье обратилъ,
 Чухонской лапоть вдругъ видъ новой получилъ. (а)
 Россійской Грамотѣ полезно то и нужно,
 Чѣмобъ живъ съ Грамматиной всегда въ связи и
 дружно.

Являюмъ опыны, что безъ науки сей
 Калбна, иль слѣпецъ несчастный грамотѣй! (б)
 Искусно съ глазъ его бѣльмо она снимаетъ;
 О чудо! грамотиникъ внезапно прозираетъ;
 Какъ солнце Азбука тогда предъ нимъ блестятъ.
 Не вѣря самъ себѣ, онъ съ изумленьемъ зрѣтъ
 Разнообразныхъ словъ начало, родъ и свойство,
 Премны дивныя и чудное устройство!
 Прозрѣвшій грамотѣй не ощупью идетъ,
 Въ писаніяхъ его шарабарщины итъ;
 И слава громкая повсюду возвѣщаетъ:
 „Такого-же лица ужъ всякой понимаетъ!“

- (а) См. сказаніе о *Петрѣ Великомъ* Якова Шгеллина.
 (б) Туша Орашорія, носнойзычна Поэзія, неосновательна Философія, неприятна Исторія, сомнительна Юриспруденція безъ Грамматики. — *Ломоносовъ*.

ЭЛЕГИЯ.

Восплачь Канцеляристѣ, Повышчинѣ, Секретарѣ,
 Надсмотрщикѣ возрыдай и вся припазна шварь!
 Лавицы въ горести чернилами напорише
 И въ перси перьями другѣ друга поразише:
 О сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
 Зряшѣ шучу спрашную палашы надѣ собой,
 Кошорой молнія грозилѣ вамѣ просвѣщенемѣ,
 И анциденцій всѣхѣ и ябѣдѣ испребленьемѣ.
 Какѣ древо сокрушенѣ надешѣ подъячичѣ родѣ;
 Увы! насмалѣ для васѣ шеперь плачевный годѣ!
 Какія времена! должны вы слушашѣ курсы,
 Судебныя мѣста всѣ превращашѣ въ Бурсы.
 Ахѣ! ешѣли бы воскресѣ одинѣ хошѣ Думной Дьякѣ
 И сѣ челобитною являсѣ предѣ Царскій зракѣ,
 Чѣмѣ заслужили гибѣлѣ мои, восиллинулѣ, внуки,
 Чшо посылаюшѣя иѣ нимѣ палачи науки?
 Ты хочешѣ, чшобѣ ошѣ жѣ немилосердыхѣ рукѣ,
 Разправилсѣ, или переломилсѣ кривѣ.
 О солнце! не лишай шы филиновѣ зашмѣдья!
 Да кривѣ пребудешѣ кривѣ по силѣ Уложенья!
 Но чшо! гдѣ Дьякѣ и гдѣ прошеніе иѣ Царю?
 Бѣда Коллежскому шеперь Секретарю.
 О чинѣ Ассесорскій, шолкино вожделѣнный!
 Ты убѣгаешѣ днесѣ, когда я восхищенный
 Мнилѣ обнимаѣ шебя, какѣ друга, какѣ алшынѣ;
 Бышѣ можешѣ — на всегда просиши любезный чинѣ.

Сколько тяжко для меня, сшепенна чловѣка,
Учишься начинашь, прожвнши ужъ полѣвѣна.
Наиня наверзы, каное зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ Указъ!
Друзья! пока еще не свѣшло въ нашемъ мірѣ,
На счетъ просишелей пойдѣмъ гуляшь въ шранширѣ;
Съ ошчаянъя начнемъ какъ можно больше драшь:
Свѣшь близокъ—должноли ворамъ теперь дремать?

ЗВЪРИНЕЦЪ.

Ученый Усбурбумъ недавно ошылскалъ
 Предревній манускриптъ на языкѣ Еврейскомъ,
 И въ ономъ начишалъ,
 Чшо при Царѣ Халдейскомъ,
 Не знаешъ точно при какомъ,
 Жилъ былъ Халдей Салваназарадомъ. —
 Не столь о языкѣ Французскомъ мы радѣемъ,
 Какъ къ скопскому онъ прилжалъ
 И шакъ въ немъ успѣвалъ,
 Чшоговорилъ съ Осломъ, какъ будшобы съ Халдеемъ.
 Ншгъ гдѣ, а нашъ мудрецъ все со звѣрьми:
 Съ скошами для него жить лучше, чѣмъ съ людьми.
 Лишь шолько разсвѣшешъ, ужъ онъ сбшншвъ въ
 звѣринецъ
 И звѣрю каждому несешъ съ собою гостинецъ:
 Иному сѣна пукъ, другому мяса кусъ.
 Вспрѣчающъ всѣ его; и Заецъ шумъ не шрусъ;
 Къ Халдею Левъ, Тигръ даже льсшился!
 Одиъ Осѣлъ косишся:
 Не хочешъ раздѣлишся
 Съ Козломъ гостинцемъ пополамъ:
 Меня равняшъ козламъ!
 Нѣшъ, брашъ, хошъ я шелерьжую шраву съ скошами,
 Но прежде съ господами
 Я кушалъ за однимъ столомъ:
 Былъ въ жизни человекъ, по смерти сшалъ Осломъ!
 Я Шляхшичъ Туригаридрасъ: не смѣй шутишъ
 со мною,
 Иль формою суда развѣдаюсъ съ шобою! —

Какъ жалко мнѣ, вскричалъ съ насмѣшкою Халдей,
Что прежде не имѣлъ ты длинныхъ сихъ ушей.

Для Шлахшича онъ великая прикраса;
Знавалъ я Гургигарндраса;
Всѣмъ шанашъ, всѣхъ лизашъ,
Сливу предъ великимъ изгибашъ,
Его шо было дѣло:

Кто подѣл, на щастье шомъ всегда надѣйся смѣло!
Халдѣевъ сей ошѣшъ поправился Козлу,
Онъ гордо подошѣдъ къ Ослу,

Такъ заблелъ, шряся по гивѣ бородою:

Мнѣ низко гово: :ль со Шлахшию шанкою:

Я прежде былъ Пана, шомъ дивный Бенков-
носъ,

Чей въ свѣшъ славился огромностию носъ.

Въ Серадѣцѣльнѣ вѣнѣ, какъ въ маслѣ сырѣ нашался,
И съ Хрюхряхрюсомъ лишь въ богатствѣ не
равнялся.

—Да, хрюкнулъ Боровъ вдругъ, имѣлъ я съ миллионъ!

—А пользы онъ шого? спросилъ сердито Слоиъ.

—Та польза, что всегда я былъ ужасно шученъ!

—Да сшалъ ли чрезъ шебл другой благополученъ?

—Не много, Слоиъ, шерерь найдешъ глупцовъ
шанихъ,

Чтобъ думали и о другихъ:

Свѣшъ нынѣшнѣй наполненъ мудрецами!

—Кшоры, Слоиъ взревѣлъ, зашопавши ногами,

Досшойны бышь, какъ ты, Свиными!—

Да ты намъ не указъ! прикрикнула Лиса:

Въ наукѣ жинь съ людьми не зналъ ты ни аза,

Хомя великимъ ты Министромъ слылъ Хал-
дейскимъ;—

Вомъ я шо мудрецомъ могу почешься свѣшнимъ.

Ласкаючись ко всѣмъ съ умильнѣйшимъ лицомъ,
 Казалась другомъ всѣмъ и всѣмъ была врагомъ,
 Достоинства людей мѣтками измѣряла,
 Для пользы и Ословъ хвалами осыпала,
 И въ силѣ черезъ шо у знасныхъ я была:
 Съ шобою, грубый Словъ, лишь сладишь не могла!
 Но вашей брашнѣ не много вѣдь въ Сшолницѣ,
 Тамъ нечего о васъ забоишься Лисницѣ. —

Халдей,

Мохнашихъ слушая людей,

Дивился —

И порознь каждаго оиъ спросишь рѣшился,
 Въ какомъ ншо званіи при жизни состоиалъ?

Я былъ Судья, Медвѣдь сказалъ,

И кому не одну съ невинности содралъ!

Я назывался Ворворворомъ. —

И ты былъ не Судьей, а сущимъ живодѣромъ!

Рычалъ великодушный Левъ,

Сверкая взорами, разинувъ спрашнй зѣвъ. —

—Я прошесшуюся! вскричала Россомаха:

Смошрише! судя смердишь уже оиъ страха;

Посшункомъ сицевымъ обижена и я,

Понеже въ должности была Секретаря;

Левъ будешь подъ судомъ по моему прошенью,

И карачувъ дадимъ всему его имѣнью! —

—А ты Волкъ, чѣмъ служилъ?

Халдей у Бирюна спросилъ.

—Я шомъ, какъ и Медвѣдь, присяжный ножъ
 сдирашель —

Въ Палатѣ Предсѣдашель.

—А ты, Барсуикъ?

—Я шанже былъ приказный крюкъ;

Но не дупилъ людей, какъ будшо бы шошину,

А сиромо продавалъ законы по алшгуну! —

Ну! шы, Олень, скажи, кто прежде былъ шаковъ?

—Я былъ охотникъ Люблюнсовъ:

Въ ошбѣзжемъ полѣ машъ когда звѣрей правила,
Верхомъ меня родила;

И мой ошецъ охоту шавъ любилъ,
Что въ псарнѣ съ гончими и спалъ, и ѣлъ, и пилъ.
Я шанже, будучи ихъ одаренъ геройшвомъ,
Не славъ жершвовалъ, но дичинѣ спойшвомъ!

—А ваша честь, кто вы, Суровъ?

—Разбойничекъ, шо ешь, каршежный я игрокъ!
Тузомъ и двойкою я нажилъ капиталецъ!

—А шы, слѣпой красавецъ,

Кшо шы угрюмый Крошъ?

—Я все: законникъ, волхвъ, философъ, звѣздочётъ,
И словомъ: въ формѣ я ученый первоклассный!

Всѣ мыши и крошы согласны,

Что я былъ чудо-человѣкъ:

Хоть здраво ни о чемъ не мыслилъ весь мой вѣкъ,
Но умеръ, погруженъ премудрости въ пучинѣ;
Въ навозѣ рылся я, въ навозѣ роюсь нынѣ!—

—А шы, почтенный господинъ,

Благочестивый Кошъ, какой имѣлъ шы чинъ?

—Я человѣкъ не свѣтскій, но духовный,

По милости Творца былъ Жрецъ верховный;
Былъ образъ крошости, смиренія примѣръ,
Свящъ духомъ, но пришомъ Халдейскій кавалеръ.
Духовную мою шрапезу сославляло:

Млеко, сыръ, масло, сало.

О сшадѣ пекся я по долгу пашуховъ,
Но я шеридшь не могъ Мышей ерешиковъ!

—А шы что скажешь намъ, Баранъ?

—О! я, сударь, изъ шолбовыхъ Дворянъ.
На бранномъ поприщѣ искалъ мой предокъ славы,
А я мухъ колошналъ въ деревнѣ для забавы;

Мой предокъ для того безъ сна въ шрудахъ пошѣлъ,
 Чшобъ послѣ правнученъ пошилъ, поспалъ, поблв!

—Ты выслушай меня, вскричала Обезьяна:

Вошъ я по шваръ была преславна

И много обществу я пользы принесла:

Изрядно кушала, изрядно и пила,

Ошмбно прыгала, врывлялась безподобно,

Играла дамами, какъ шашками, свободно;

Щелкала по носу я знатныхъ я господъ,

Хошъ я была ничшо, какъ Гаеръ иль уродъ,

Достойный забавляшь на ярмаркахъ народъ.

Присшойность, правда, сшылъ всегда мнѣ былъ
 чужды,

Въ религii совсѣмъ я не имѣла нужды,

И будучи во всемъ глупѣ Лошана,

Я принимала видъ большаго знатока;

Въ искусствѣ льстишь слыла великой маскерицей,

Въ обманахъ, въ хитростяхъ поспорилъ съ
 Лисицей;

На счетъ другихъ жила прiятно, безъ заботъ,

И словомъ: я была схопна а la mode.—

—Ну! ты, Хомякъ, скажи, ты что былъ за дѣшина?

—Ахъ! государь, я былъ шорговой мужичина.

Товаромъ мѣлочнымъ сперва я началъ шоргъ.

Сшылъ, правда, совѣсть, Богъ—

На чисты денежки всё это продавалось:

Иной день разъ нашъ сошъ божишься мнѣ случалось!

Когда же нажилъ я изрядный капишалъ,

То шакъ богобоязливъ сшалъ,

Что лишь по шарой я привычкѣ плушовалъ:

За доброе, подъ часъ, я продавалъ гнилое,

И бралъ не болѣе какъ вишперо иль вшров.

Аршинъ и ножницы, вѣсы, рука и взоръ,

Зубъ каждый у купца и даже лавка—воръ!

Не долженъ поупцивъ ошнюдь обвершивъ вѣришь,
Голова и она обвѣсишь и обмѣришь!—

Молчи, подлецъ, вскричалъ Салваназарадомъ,
Ты счастливъ, сдѣлавшись по смерти Хомякомъ!
Услышь меня, услышь всеизжидущая сила!

„О еслибъ ты законъ шакой пошпаквила,
„Чтобъ всякой человекъ: судья, или купецъ,
„Попъ, воинъ, дворянинъ, ученый и кузнецъ,
„Забывшій совѣсть, спыдъ, законъ, Монарха, Бога,
„Передъ зеркаломъ ли, средь Царснаголь чертога,
„Иль въ домъ собсшвенномъ пируя за шоломъ,
„Ко удивленью всѣхъ шамъ волкомъ или осломъ.
„Приобрыбъ шаковы безумцевъ устрашили,
„И смертные себя и Богабъ больше чшпам.—

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУРСОНІАДЫ.

Изъ первой Пѣсни.

1.

Помилуй шы меня, о Фебѣ, Парнасскій богъ!
 Кого велишь шы вѣшь, внушая мнѣ восшоргъ?
 Ахъ! смался надо мной чувшвишельная Муза!
 Могу ли я хвалишь шоль дивнаго Француза,
 Какъ онъ былъ нѣкогда преславный Пурсоньякъ:
 Въ Парижѣ продавалъ на рынкѣ онъ шабакъ,
 Герой былъ въ кабакахъ, и первый жрецъ въ
    харчевняхъ;
 Шумѣвъ на площадяхъ, смирался онъ въ деревняхъ,
 Гдѣ часно страншвовалъ для чоршваго куса;
 Гдѣ блѣдная его, голодная рука,
 Тряся кошомкою, прохожихъ умоляла,
 И съ жадностію хлѣбъ насущный принимала!
 Изъ вкщихъ вдругъ пошомъ попался Пурсоньякъ
 Въ число мошенниковъ, воровъ и забіякъ;
 Пошомъ онъ заклеименъ и сосланъ на галеру,
 Но земляковъ своихъ послѣдую примбру,
 Чудеснымъ образомъ въ Россію убѣжалъ,
 И ссылочный Французъ какъ солнце возблисталъ.

2.

Возшатъ Французъ, но ахъ! онъ слабости шамался;
 Вошце онъ воздухомъ, какъ манною пишался:
 Лишь первый шагъ ногой дрожащею сшупилъ,
 Зефиръ съ насмѣшкою Француза повалилъ;

3*

Внезапно выглянулъ изъ ада Велзевулъ,
 Во всю бѣсовску мочь онъ крикнулъ: караулъ!
 И къ Гладу шакъ вѣщаль: „о подлый забіяка!
 Вошь до чего довелъ ты славна Пурсоньяна!
 Познай, чѣмъ сей Французъ мой искреннѣйшій другъ;
 Спупай къ нему, спупай скорѣе для услугъ!„
 Уродливый смелешъ, вооружась кляюкою,
 Пустился въ дальній путь съ походною сумою;
 По ребрамъ повязалъ широкій онъ кушакъ
 И пламенный надѣлъ на голову колпакъ;
 Гренишъ онъ на бѣгу изсохшими косями,
 И челюсть искрививъ, гигантшъ спучишъ зубамъ;
 Траву и дерево и корни и цвѣшны
 Тербишъ, гложешъ, жрешъ, гложашешъ все въ пуши.
 „Возможноль! онъ кричишъ: я долженъ бышь
 слугою,
 „Вошь какъ ругаешъ царь адскій надо мною!
 „Нѣшъ, Велзевулъ! хотя ты знашный господинъ,
 „Но Голодъ въ пеклѣ шожъ имѣшъ знашный чинъ,
 „И родъ мой швоему ничѣмъ не устулаешъ:
 „Почтена Смерть меня опѣнно увакаешъ;
 „Война сесира моя, а Пищета кума,
 „Родная шешна мнѣ сѣшельна Чума,
 „Въ великой дружбѣ я съ ученостью бываю,
 „И часшо чудеса шворышъ ей помогаю.
 „О сколь поругана высока чешъ моя:
 „Холопомъ буду нынь у Санкюлоша я!
 „Хотъ долженъ выполнишъ бѣсовско повелѣнье,
 „Но Спинсомъ я клянусь пишашъ къ Французамъ
 мщенье.
 „И въ помощь пригласивъ Разврашъ, Болѣзнь, Войну,
 „Обрушу гибель всю на горду ихъ главу!—

Безумные враги опечесивенныхъ щей!
 Не зрю я въ васъ Славянъ, не зрю богашырей:
 Насилу движущся полмерщвы ваши шруны!
 Осхавъше нанонецъ вы соусы и супы;
 Не Галламъ вы должны, но предкамъ подражать:
 Прямою доблестью и пузомъ щеголять.

Изъ второй Пѣсни.

1.

На деньги ужасъ какъ нечисты духи пади;
 Извѣстно, что они всегда любили взятки;
 Бѣсовской алчности уже я зрю примѣръ:
 Содралъ съ меня алшынъ на привязи Церберъ. —
 Когда съ бумагой въ судъ приходишь челобитникъ,
 Кряхтишь и кашляешь ошъ радости Повытчикъ,
 Облизывается въ восторгѣ Секрешаръ
 И нюхаетъ шабакъ приказа мѣла шваръ.
 Просишель корчишься; подьячѣ гордящся:
 Зибѣю долженъ онъ предъ гадомъ увиващся,
 Просишь и кланящся, даваешь и общаешь,
 Въ шракирахъ пощиваешь и дома угощаешь.
 Случилось шаибъ и мибъ межъ адскими кряками.
 Чего не дѣлалъ я предъ подлыми черциями!
 Нижайше кланялся, покорнѣйше просилъ:
 Давая деньги имъ, ясу опорожилъ;
 Но недовольны шѣмъ кургузы оплешалы,
 За чѣмъ, кричащъ, за чѣмъ швои карманы малы?
 Насилу я смягчилъ бѣсовскія сердца.
 Ошверзлся враша геенснаго дворца:
 Въ огнѣ и въ пламени монархъ мибъ адскій зрищся,
 Прешодъ его въ дыму, какъ вещьчина, копшищся;

Покрышы сажею порфира и вѣнецъ;
 Величество его шапъ черно, какъ кузнецъ.
 Омъ роду я не зрѣлъ шоль накосныя рожи!
 Прекрасны всѣ его министры и вельможи,
 Нарядна гвардія, хорошъ придворный шмапъ:
 Съ рогами всякой здѣсь, ...

2.

Просперла Мода першѣ — и вдругъ дѣвицы, дамы,
 Какъ вѣдьмы сжали всѣ съ предлинными хвостами;
 Ребра — и волосы нависли на глаза;
 Величѣ — и лысина, гдѣ были волоса;
 Восхощенѣ — и всѣ вдругъ дѣвицы обнажаша
 И будущѣ голыя, какъ дикія, шаскашя;
 Принаженѣ имъ — и вдругъ одѣнушя въ мѣшки,
 И вмѣсто челчиновъ носишъ начнушъ горшки;
 Мигненѣ — и шѣ, что нынѣ лепечушъ по Французски,
 Заввакаюшъ въ домахъ, какъ жабы иль лягушки.

3.

Вдругъ жрица земляка преславна обняла,
 И къ Рускимъ модникамъ и модницамъ рекла:
 „Месье! кто радости изъ васъ не ощущаетъ?
 „Еще владѣ мудрости вамъ Небо посылаетъ!
 „Въ Французѣ дивномъ семѣ приходишъ къ вамъ
 Сокрашѣ;
 „Какое щасіе для васъ и вашихъ чадѣ!
 „Къ тому же и его нещасно положенъе
 „Возбудилъ въ васъ къ нему сердечно сожалѣнъе.
 „Французамъ помогашъ обязаиъ Рускій всякъ:
 „Ншо мыслишъ иначе, шомъ варваръ и дуракъ.
 „Толико нищѣ Французскіе почтенны,
 „Колико бѣдныи Россійскіе презрѣны.

„Невждамъ пособляшь вамъ Мода не велишь;
 „Хоть Рускій ранами въ сраженіяхъ покрышь,
 „И славно прослужа ошечеству полубна,
 „Въ награду нищій спашь и жалосный калбна;
 „Хоть жизнь бодрскую, имбнѣ защишилъ:
 „Но еслибъ у Бояръ онъ хлбба попросилъ;
 „Бояре! вамъ велишь Французско воспишанье
 „Плевать на Руское израненно созданье!
 „Похвальнѣ для васъ Французовъ богатишь,
 „Чѣмъ грошемъ Рускаго калбну одолжишь.
 „Явите щедрость вынь преславному Пурсоньяку! „—
 —Ужасну межъ собой людъ модный сдѣлалъ драгу:
 Всякъ хочеть щедростью другаго превзойти,
 Француза хочеть всякъ къ себѣ въ домъ опвезти.
 Тотъ говорилъ: жалшь не буду миліона,
 Такого чтобъ достать себѣ компаніона!
 Иной кричитъ: дѣтей моихъ насшавниль будь!
 Въ годъ тысяча рублей и хлбба шриста пудъ.
 А прешій шайб бржжмишь: онъ будеть правильмною
 И всемъ распорядать, и домоу и женою.
 Не зналъ, что смѣчашъ въ воспоргѣ Пурсоньякъ.
 Доселъ мнилъ Французъ, что первый онъ дуракъ;
 Но нынѣ, окруженъ такими чудачами,
 Узрѣлъ, что рангомъ онъ не первый межъ глупцами,
 И наконецъ сказалъ, что мудрость полюбя,
 Намбрень посвяишь въ училища себя! —
 Просившись съ дьяволомъ, даиъ руку Верховлету
 И въ грлзномъ рубицѣ сѣлъ съ гордостью въ карету.
 Благодаря Гибу, почтенную мадамъ,
 Въ пуши гошовился къ училищельскимъ шрудамъ
 И мыслилъ шайб въ душѣ, отъ смѣха помирая:
 Россія, подлинно, земля предорогая;
 Я чувствую, что здѣсь озолошиль меня:
 Въ Россіи полубогъ. — Парижская свинья!

РЪДНОСТИ,
КОТОРЫЯ УДАЛОСЬ МНѢ ВИДѢТЬ.

Я видѣлъ, какъ скулецъ мѣшокъ схвативши злата,
На помощь къ ближнему несчастному слѣдилъ,
Съ чувствъвишешельной душой обнялъ его, какъ брата,
И слезы горести въ минушу осушилъ.

* * *

Я видѣлъ Дerviша (Турецкой шо монахъ),
Кошорый одержалъ побѣду надъ снрастями:
Сналъ крошкѣ, совѣшенъ, смиренъ, воздерженъ,
благъ,
И грѣшный мiръ презрѣлъ не словомъ, но дѣлами.

* * *

Я видѣлъ мудреца, кой истину любилъ:
Она ему всего была дороже въ свѣтѣ,
Въ бесѣдѣ и дѣлахъ ее имѣлъ въ предметѣ:
Онъ жилъ шакъ какъ писалъ, и шакъ писалъ, какъ
жилъ.

* * *

Я видѣлъ щастiя достойнаго любимца—
Прекрасенъ, молодъ онъ, богашъ и знашенъ былъ;
Но въ добродѣтели всю роскошь находилъ:
Забава для него—ушбщивъ несчастливца.

.....
.....

* * *

↓ ЗАБАВНАЯ БЕСѢДА.

„Внемлите горы и лѣса,
 „Стремлюсь повѣдать вамъ предивны чудеса. . . .
 —Чтобъ вы пропалъ, Гнемачъ, съ своими чудесами!
 Вскричала Фиркина: вы мучите всѣхъ стихами.
 Прямой Парнасской вы уродъ!
 Насильно речами зажать мнѣ хочешь ротъ. . . .
 О чемъ бышь, господа, я разскажешь хошля?
 Да! да—вошь десять дней, какъ я ужь овдовѣла!
 Ну! какъ вамъ нравится печальный мой нарядъ?
 Таковую вдовушку нельзя не обождать;
 Вчера Вершущинну я голову вскружила. . . .
 —Убѣй себя драгунска сила,
 Губанивъ другъ какъ конь заржалъ:
 Вралаху глупую свозъ строй бы я прогналъ!
 Болтаемъ о себѣ, да о своихъ нарядахъ,
 Ни слова вымолвишь не дасишь о вахш-парадахъ.
 Какъ выслушимъ въ разводъ: ну! посмотрѣлибъ вы;
 Вдругъ шанемъ мы во фруншъ, стоимъ всѣ, какъ
 столбы.
 ——Ей! ей! я знаю все о сицевомъ парадѣ:
 Курьезнѣе у насъ дѣла шекушъ въ Палашѣ,
 Горшанью хриплою приказный возразилъ:
 —Таселитъ! грозно мужъ ученый возгласилъ:
 Начнемъ бесѣдовать о важныхъ мы предметахъ
 О манускриптахъ и кометахъ. . . .
 —Мнѣ вашихъ никогда не переслушать вракъ,
 Примолвилъ весельчакъ:
 Когда не глупы вы, то всѣ вы очень шранны,
 И для меня шѣвъ болѣе забавны,
 Что всѣ вы любите вранье—
 Лишь не чужое, а свое.

ПОЭТЪ и МАТЕМАТИКЪ.

Поэтъ.

Не въ Сниксаль мрачнымъ берегамъ
 Фаншазія меня примчала?
 Тѣнь блѣдна, жалкая предстала
 Испуганнымъ моимъ очамъ!
 Хламидой сальной покровенный,
 На шуаѣ призракъ сей шорчишь,
 И долу черепъ уклоненный
 Прозрачнымъ колпакомъ покрышь.
 Огромныхъ книгъ предъ нимъ громада,
 Въ пыля повержена, лежишь;
 Онъ съ грифеля не сводишь взгляда
 И онымъ на доскѣ чершишь;
 Чершишь—и рожу искривляешь
 Въ досадѣ будшо сей скелешъ,
 Колпакъ не рѣдио поправляешь—
 Браия при шомъ какой шо зетѣ!—
 Конечно шерпишь онъ онъ зета,
 И зетѣ сей вѣрно адскій духъ;
 Онъ зета блѣденъ онъ и сухъ:
 Спрошу о зетѣ у скелеша.
 Кшо ты—прежална шѣнь—вѣщай,
 Кѣмъ ты на муку осужденна,
 Здѣсь въ шулу кѣмъ ты пригвожденна;
 Не се ли мрачный ада край?—
 Иль здѣсь волшебникъ обиаешь,
 Тебя обвороживъ, шерзаешь?
 Иль Фурин въ тебѣ живущъ,
 Которыхъ зетамъ зовущъ?

Ручьями изъ поздрей пенуцїи
 Табакъ шы прежде обошри,
 Пошомъ мой духъ, въ сомнѣннхъ суцїи,
 Ошвѣшомъ удовлетвори!—

М а т е м а т и к ъ.

Проклятая шы биноміа—
 Ты злобы адной експонентъ,
 О куль, исполненъ ядомъ зміа!
 Какъ смѣлъ шы поносишь мой зетъ?—
 Всемощный съ иксомъ зетъ вѣщаешъ
 Задачь непосшижимыхъ шыму,
 Природы тайну ошкрываешъ,
 И все покоршвуешъ ему.
 Подобно грозному Тишану,
 Зетъ небо присшупомъ берешъ,
 И зету, лаврами вѣчанну,
 Хвалу вселенна воздаешъ.
 Знай, въ вѣчностъ я на зетъ вду—
 Я званъ Безмершіемъ къ обѣду;
 Чрезъ иксъ, чрезъ игрекъ и чрезъ зетъ
 Я прошопшалъ къ Олимпу слѣдъ.

П о э т ъ.

Хулу скелешъ сей изрыгаешъ!
 Въ умѣ помѣшанъ видно онъ—
 Досадно мнѣ; но пущь болшаешъ:
 Не писанъ дуракамъ законъ!—

М а т е м а т и к ъ.

Ты говоришь о мнѣ съ презрѣнїемъ;
 Клянусь квадратнымъ уравненїемъ,
 Клянусь, что я шебѣ ошмцу:
 Я шучу игрековѣ шучу,

Да поразитъ мя нуще грома—
Ужасна, сильна аксіома!

Откуда, дерзкій, ты пришелъ?
Меня въ ошчаянъе привелъ;
Ты помѣшалъ рѣшить задачу;
Съ досады и со злости плачу!

П о э т ъ.

Пожалуй плачь! а я смѣюсь,
Угрозъ ни мало не спрашусь.
За зета грудью ты всшундлся,
Чего ты на меня озлился?
Снажи, ошпрѣй мнѣ наконецъ
Живой ли ты, или мершвецъ,
Во снѣ ли бредишь, какъ лунашикъ?

М а т е м а т и к ъ.

Дрожи, о дерзновенна шварь!
И знай, что азъ есмь чиселъ царь,
Искусный, славный Машемашникъ.
На иксахъ мой воздвигнушъ шронъ;
Его съ почтенъемъ окружаешъ
Нулей ошборныхъ легионъ.
Количество меня вѣнчаешъ;
Съ масштабомъ циркуль—скипешръ мой!
Ищу я круга квадрашуру;
Послушай, не шути со мной.

П о э т ъ.

Набрелъ я на каррикашуру!
Забавный для смиховъ предметъ!

М а т е м а т и к ъ.

Что слышу!— Небо! онъ Поэтъ!
 Въ немъ вижу злаго супосаща,
 Онъ коего свирѣлыхъ рѣмъ
 Трепещешь робкій *логарифмъ*;
 Онъ бичъ и куба и квадрата!
 Я понимаю все теперь:
 Парнасскій эпитетъ хищный звѣрь
 Саширу хочешь пригошовишь;
 Онъ будешь въ ней меня злословишь.
 Злодѣй! оставь ты мой чердакъ;
 Я *иксомъ* заряду колпакъ
 И выстрѣлю, какъ изъ морширы;
 Иль *грифель* сей тебя произишь,
 Съ тобою вмѣстѣ истребишь
 Презлбный планъ швоей саширы!

П о э т ъ.

Не въ силахъ я владѣшь собой!
 Поспой, о чучело! поспой,
 Сступай съ своими ты нулами.
 Бери съ собою *зетъ* и *иксъ*,
 Гдѣ прожекаешь мушный *Сшинъ*,
 Сступай шуда — живи съ чершами.
 Схванилъ сынъ Феба за пучокъ
 Царя, количесшвомъ вѣнчанна,
 И, давъ ему одинъ шолчонъ,
 Повергъ на землю бездыханна!

МЕРЗИЛИНЪ,
ИЛИ
**Рускій выродокъ, превратившійся въ офран-
цуженную гадину.**

Правдиницъ! хочешь ты, чтобъ красками живыми
 Я смѣлой кистию шобъ гадъ изобразилъ,
 Кошорый красошой и прелесшыми своими
 И жабъ, и черепахъ, и крысъ всѣхъ помрачилъ.
 Въ болотѣхъ нивъ одномъ, нивъ дужахъ, безъ сомнѣнья,
 Нѣтъ швари столько же достойныя презрѣнья,
 И въ адъ молодца шаного поискашь,
 Кшобъ гнусностью его могъ перещеголяшь.
 Преславна издревле была всегда Россія;
 Но какъ же развелись въ ней гадины шакія?
 Великою машерью моглишь бышь рождены
 Толь безобразныя, уродливы сыны?
 Не Русная душа, не храбрость въ нихъ геройска,
 Душишна мѣлая и подлость въ нихъ заморска;
 Французчина, какъ моль, побѣла весь ихъ мозгъ,
 Забышь къ ошечешву привязанности долгъ!
 Не честь ихъ движенъ, нѣтъ! ихъ мучилъ шо
сердчишки,
 Чшобъ свѣтъ зналъ, шо они Французскія маршиски.
 На шо имъ съ предковъ бранъ похвальвѣишій
примѣръ?
 Французовъ мало ли сорвавшихся съ галеръ?
 А какъ прибѣгнушь шобъ въ Французскимъ и Мам-
зелямъ,
 Кошоры свѣтъ прошла шаснаясь не . . . лямъ

И всяку всячину видали надъ собой:
 То нужно ли искашь науки ужъ другой?
 Тогда жеманься, ври, повѣсничай, кривляйся
 И надъ невѣжешвомъ Россіянъ насмѣхайся,
 Кошоры добрый нравъ и здравый смыслъ храняшь,
 И, что всего глупѣй, по Руски говоряшь!
 — *Et done!* какъ варварскій языкъ сей грубъ, не-
 складенъ,
 Французскій же *contraite* божештенъ, деликатенъ.
 Когда бы намъ Монархъ издалъ шакой законъ,
 Чшобъ по Французски вралъ всякъ Руской *de bon ton*;
 Чшобъ иначе болшашъ не смѣли бы дворяне!
 А еслибъ свой языкъ забыли и мѣщане,
 И самый наконецъ преподлый нашъ мужикъ
 Французскій полюбилъ пренѣжный шоль языкъ:
 Какіябъ времена блаженныя наспали!
 Мы офранцузившись, гугнявишь все бы шали,
 И въ просвѣщеніи явилибъ шѣмъ успѣхъ,
 Чшо въ вышней степени былабъ у насъ у всехъ
 Французская и жизнь, и нравы, и химеры,
 То есть, ни върности къ Царяиъ, ни къ Богу въры,
 Ни глупой совѣсти, ни робкаго сшуда
 У новыхъ Россіянъ не шало бы шогда!
 Не шо ли самое, жеманься по Французски,
 Насвисшываешь шы, *Мерзилкинъ!* про себя?
 Не часшоль ропщешь шы, чшо швой отецъ былъ
 Рускій,
 И чшо не *сантюлотъ* лусшилъ на свѣшъ тебя?
 Послушайна, Мусье, не господинъ, Мерзилла!
 Не лай на Рускихъ шы, французипъ позабудъ;
 Ты вспомни наконецъ, чшо еспъ въ Россіи кнушъ;
 Чшо неминешъ шебя въ Парижъ Камчашской ссылка.
 На лыжахъ шеголяшь какъ сшанешъ по снѣгу,
 Смажи шогда себѣ: *коман-ву-портесу?* —

ОПИСАНІЕ СЛАВНАГО ПАРИНА. V....

Паривъ сей рѣдкой, дорогой,
 Имѣешъ вѣсу чешверть пуда;
 Онъ сдѣланъ хитрою рукой
 Изъ вѣжнихъ волосковъ верблюда;
 Зашылокъ, брови и виски,
 Большой паривъ сей покрываетъ,
 Какъ печь, плѣшь въ спужу нагрѣваетъ
 И жметъ ее шакъ, какъ шиши.
 Придѣланъ къ париву широкій
 Французскій назадъ пучокъ,
 А на срединѣ превысокій
 И пышный вѣшся *à la coq*.
 Но что еще милѣй и краше
 Всего, о немъ что молвилъ вамъ:
 Огромны пукли въ шри ешажа
 Нависнули по сторонамъ!
 Къ шомужъ, напередѣ усшроевъ
 Послѣдней моды лавержевъ:
 Онъ удивленія достоинъ!
 Симъ кончу парина поршрешъ.

П Ъ С Н Ъ Л У Ж Ъ .

Пускай иной пошья годы,
 Съ надсадой шрубиль спрашны оды
 Ручьямь, озерамь и морямь:
 Не море, лужу воспѣваю;
 Грязь въ жемчугъ я преобращаю,
 Ударивъ лиры по струнамь.

Судебъ благоугодно волѣ,
 Чшобъ лужа шы, въ нещасной долѣ,
 Была другихъ всѣхъ ниже водѣ:
 Ручьи насъ веселяшъ струями,
 Моря приводяшъ въ страхъ волнами,
 А лужей брезгуешъ народѣ.

Но насъкомы неисчешны,
 Для гордыхъ взоровъ непрямьшны,
 Зряшъ въ лужѣ дивный океанъ,
 И въ подлыхъ жабахъ спрашныхъ кшповъ!
 Чешвероногихъ Сибаришовъ
 Ты выѣсшъ ванна и диванъ.

Паши, украшены щетиной,
 Презрѣнною лвоею шиной
 Не промѣняюся на лухъ;
 За бархашъ грязь они щипаюшъ
 И въ роскоши шакой не чаюшъ,
 Чшо ихъ гошовашъ подѣ обухъ.

Ни предъ ручьемъ, ни предъ рѣкою
 Ты не похвалишься водою;
 Но страннику въ несносный жаръ
 Вода своя въ степи Ливійской,
 Или въ пустынь Аравійской,
 Небесный важещя нектаръ.

Просираишвомъ море пустьъ гордишся;
 Шумишь волнами и стремишся
 Достигаешь грозной высоты:
 Въ обширности неизмѣримой
 Однимъ Всесильнымъ обозримою
 И море лужа, какъ и ты.

Хотябъ на днѣ его лежали
 Блещащій бисеръ и кораллы,
 Примагнчивы для алчныхъ глазъ;
 Но чтожъ! предъ мудрыми очами
 Столь почитаемыя нами
 Кораллы и бисеръ — ша же грязь.

Нѣтъ! лужи я не презираю;
 Я въ лужѣ пользу обрѣтаю:
 Наславнивъ лужа для меня,
 Чинаешь мнѣ урокъ прекрасный,
 Съ кошорымъ опыты согласны
 Сію намъ нещину глася:

Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
 Въ томъ мысль и чувствіе сердечно
 Какъ въ лужѣ мушная вода;
 И праздности его въ награду
 Пороки въ немъ, подобно гаду
 Плодящяся — множашяся всегда!

САРАНЧА.

Народы храбры Африкански,
 У насъ зовомы саранчой,
 Какъ орды прежнія Ташарски
 Спращашъ Украину собой.
 Повсюду грабящъ, разоряющъ:
 Въ ожесточеніи шакомъ
 Поля въ минушу поглощающъ
 Съ пшеницей, рожью и овсомъ. —
 И Россѣ, Царствѣ многихъ покорилель,
 Гордыни буйной укротилель,
 Россѣ мужество вездѣ явилъ;
 Но саранчи не побѣдилъ!
 Вошче желаюшъ умудришься,
 На, о ней побѣдой похвалишься,
 Чшобъ згинулъ жадный сей злодѣй:
 О сколько вымысловъ, замѣй!
 Тамъ въ косы звучно ударяющъ,
 Оливсюду пламенемъ грозящъ,
 Тамъ рвы глубокіе копающъ,
 И въ нихъ врага зарышь хошащъ;
 А шамъ, шамъ ловящъ неводами,
 Среди пространныхъ нивъ, полей
 Сидящу саранчу сшадами,
 Какъ будшо въ Волгѣ стерлядей. —
 Все щещно! — врагъ все презираешъ.
 Комужъ судьба предославляешъ
 Воздашь врагу досшойну месъ
 За оскорбленіу Россовъ чешъ? —

Какіе храбрыя нащек
 Толикій подвигъ совершатъ?
 Никшо, какъ Х. . . . . Орфей. —
 Они безъ коньевъ и безъ лашъ,
 Вооружены лишь смычками,
 Кларнетомъ, скрипками, басами,
 Въ кафшанъ или въ епанчъ,
 Подсунуятъ храбро къ саранчъ,
 И въ мигъ разсшавивши пульнешы,
 Оркестромъ полнымъ проскрыпятъ —
 И паки, паки повшорятъ
 Симфонію, пошомъ концершы.
 Изчезнетъ саранчи упорство,
 Накажешся ея презорство;
 Къ спасенью ей лишь два пуши:
 Оглохнуль должно, иль уйши!

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЬМА ПРІЯТЕЛЯ МОЕГО,
СТЕАНСТВУЮЩАГО ВЪ ЧУДЕСНОМЪ ПТИЧЬЕМЪ МІРѢ.

Не знаю почему здѣсь вздумалось Природѣ
 Разумны существа по птичьему одѣшь:
 Прилично ли уму подѣ перьями подѣшь?
 Сей гордый господинъ, любимый небесами,
 Покоишься привык у насъ подѣ колпаками!
 Не должецъ ли, слава, красишь безсмертный духъ,
 Когда по плоти съ Сычь, Филинъ, иль Пѣшухъ? —
 Но что! . . . не будемъ мы указывать нашурѣ,
 И обѣ умахъ судишь не шанемъ по фигурѣ:
 Разумнѣй, подлинно, иная здѣсь Сова,
 Чѣмъ съ носомъ Греческимъ Французца голова!
 Великіе умы лещающъ здѣсь сшадами,
 И славны мирными и бранными дѣлами.
 Тамъ храбры Норшуны воздвигли птичей Римъ,
 Когдашны Римляне гроза врагамъ своимъ;
 Здѣсь хищны замыслы проникнувъ ястребины,
 Вищійствуютъ Сворцы за вольность и Аины;
 Съ покланымъ носомъ шамъ наежился Невщонъ,
 И мудростью гордась поныришь крылья онъ;
 Здѣсь Филинъ — Гишелье, иль Пищъ глазища
 жмуришь,
 И слава същѣ Царямъ, коварну рожу хмуришь.
 Толики здѣсь умы и доблести цѣшущъ;
 Однако въ мірѣ семъ не Ангелы живутъ.

Пройдемъ мы всѣ мiры, рассмотримъ всѣ народы,
 Увидимъ, что вездѣ есть жалкіе уроды!
 Вошь напрымбрѣ идешь, надувшись Павлинъ:
 При здѣшнемъ онѣ дворѣ выеешь знаиный чинъ;
 Таую заслужа высоку Царску милость,
 Черезъ шоль обманчиву каружности красивость
 Гордишься могъ бы онѣ сiяшельнымъ хвостомъ,
 Но ишь! онѣ хвасаетъ прескареднымъ умомъ.
 А вошь шесшеркою промчалася Ворона,
 Имѣя гордый видъ Нѣмецкаго Барона,
 И подлинно, еѣ знаише въ мiрѣ ишь:
 Придворнымъ конюхома ея былъ славный дѣдъ!—
 Ба! вошь еще Сова нарядная шацинъ:
 Возможноль Фидлину богиней не прельстишься!
 Какая вышунка! какой на ней уборъ!
 На всѣхъ пылающей она бросаетъ взоръ:
 Таня красоты въ Москвѣ, въ Парижѣ рѣднѣ,
 И предѣ Совой должны смиришься всѣ конешки.
 Вошь къ шаци и Журавль за модинцею въ слѣдѣ
 На длинныхъ шоль ногахъ въ большой пустился
 свѣтъ:
 Онѣ легче воздуха, непостояниый вѣтра,
 И ролю важную играешь лешимешра.
 Влюбляшьсѣ—долгъ его; повѣсой бышь—закомъ;
 Заняише — игра, похожа на босшонъ.
 Но вошь надучею спрадаешь жалкiй Нобчинъ.
 Ахъ! какъ кобенншсѣ сѣй бѣдненькой господчикъ;
 Не Карачунъ ли шо сѣ ландешами шпионъ?
 Ишь! Тешеревъ глухой предѣ нобчиномъ пыкшишь;
 И нобчикъ корчишьсѣ предѣ знаиностью глухою,
 Въ надеждѣ, можешъ бышь, учивостью шакою
 Защишу, иль чинокъ, иль мѣсто получишь,
 Чшобъ послѣ Сибгирей и Воробьевѣ душишь.

Сдирашь безъ жалости съ безсильныхъ пиичекъ
 ному,
 И наконецъ себя преобразишь въ вельможу! —
 Ну! вошь еще уродъ: — оципанной Пѣшухъ!
 Повѣса промочалъ и перье всё и пухъ;
 Обрили пѣшуха пиры, игра и мода,
 И сталъ безхвостый мошь посмѣхомъ для народа.
 Тѣфу пронасть! и еще двухъ вижу чудановъ:
 Одинъ задумчивъ, гордъ, и важенъ и суровъ;
 Другой ужасную имѣетъ образину,
 О Муза! помоги списать сію каршину;
 Сманъ грозно со щипомъ шы ныль предо мной,
 Чѣшобъ глупость мстительна не ранила сирѣлой.
 Представъ себѣ, мой другъ, безъ лести и ошважно
 Сіе позорище шоль дивно и шоль страшно,
 Когда Лашынію напыщенный педаншъ,
 Превыше облака свой вознеся шаланшъ,
 Всирѣчается съ другимъ ему прошивной септы;
 Съ обихъ вдругъ споронъ спремяшя аргуменшы;
 Тотъ Ариштошелемъ сопернику грозишъ,
 Схвативши Канпа сей, прошивника разишъ;
 Трещашъ софизмами начменны дилеммы,
 Ревушъ по воздуху огромныя сисшемы,
 Удару сабдуешъ ужаснѣйшій ударъ,
 Въ герояхъ множишя свирѣный, бранный жаръ;
 Но оба вдругъ снарядъ логическій шеряюшъ
 И кулаками бой за истину рѣшаюшъ;
 Лешашъ расщерзанны на части парики,
 И носяшя власовъ напудреныхъ клоки,
 Но въ пиичьемъ мірѣ нынѣ люшѣйна бишва зришя:
 Педаншы диспушамъ должны здѣсь поучишя.
 Одинъ боець — краса Индѣйскихъ пѣшуховъ;
 Другой — честь филиновъ и цѣвѣшъ, всѣхъ мудрецовъ.

Какъ предъ Троиломъ взглядъ сверналъ Ахилловъ
 зѣбрскій,
 Такъ взоромъ филину грозилъ пѣснухъ Индѣйскій;
 Онъ разопырившись прегордо хвостъ несетъ,
 Вращаясь крыльями описываетъ свѣтъ;
 Сивѣетъ рожа вся, шрясается носъ мясистый,
 Кричитъ на филина: вы всѣ, всѣ атеисты!—
 Неистово взглянулъ шумъ филинъ на него:
 О хара синяя! и ты бранишь того,
 Кому въ подсолнечной ученостью нѣтъ равныхъ!
 Ужель ты не читалъ трудовъ моихъ преславныхъ?
 Пѣснухъ шавъ филину изволилъ ошѣвчать:
 Какъ смѣешь, рыжій враль, столь гордо помышлять,
 Чѣшобъ для твоихъ трудовъ хощѣвъ я иращивать время:
 Чѣмо можѣшь сочинить совино гаупо плема!
 Я въ диссертаціяхъ шо ясно доказалъ,
 И въ комментаріяхъ о томъ же толковалъ,
 Чѣмо филины, сычи и всѣ прегнусны совы
 Не могушъ никогда бытъ славны Богословы. —
 Подпрыгнулъ филинъ вдругъ: рогатый философъ
 Съ надушымъ мудрецомъ шеряшь не хочѣтъ словъ,
 И съ шумомъ началась межъ пшицъ ученыхъ драка,
 И филинъ и пѣснухъ задорнѣйшій клевака,
 Съ розмаху налетѣвъ, крыломъ другъ друга бьютъ,
 И безъ пощады въ зобъ и въ голову клюютъ;
 Съ нихъ перья падаютъ и кровь течетъ ручьями;
 Но филинъ, пользуясь преосшрыми кохшями,
 Ничливаго врага сломилъ, сразилъ, пошралъ,
 И шавши на него, побѣду прокричалъ!—

II,
Б А С Н И.

ЖИВОПИСЕЦЪ. }

Былъ живописецъ славный,
 Рафаилу въ искусствѣ равный,
 И очень, очень не дуракъ;
 Но сердцемъ жалкій былъ просиакъ:
 Ужъ до того онъ совѣсти держался,
 Что даже знашнымъ льстишь боялся!
 А кто сіе почиталъ за грѣхъ?

Спросите вы у всѣхъ. —

Сей добрый человекъ хотѣлъ себя прославить,
 И чѣмъ же? вздумалъ онъ предсавить

Пороки всѣ и глупости людей.

Судя по мастерству, онъ сущій чародѣй!
 Нельстива нисъ его что ни изобразила,
 Одушевила.

Картину кончивши, шопчасъ

Онъ высавилъ еѣ народу на показъ;

Но лишь ее узрѣли:

Кокешки обомлѣли,

У плута волосъ дыбомъ сталъ,

Лжецъ шрепешалъ,

Грызшь ногти началъ сиряга,

Грозилъ указами суняга,

Кобенился предъ живописцомъ франшъ,

И Кашилиною назвалъ его педаншъ.

Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,

Порочные кричалъ художнику съ презрѣнемъ:

„Ты насивилъ написаъ,

„Чесъ нашу обругалъ;

„Въ картинѣ сей хотѣлъ смѣяться ты надъ нами.“

— Богъ съ нами!

Художникъ отвѣчалъ:

Я глупость и пороки изобразилъ желалъ,
 А васъ не спрогалъ я, да я васъ и не зналъ;
 Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,
 Когда красавцы вы душою? —
 Но мастеръ сей не могъ себя шибко оправдать;
 Хотя умные его взяли за щипцаши;
 Но ихъ не много было;
 И все вишійство ихъ глупцовъ не убѣдило. —
 Художникъ онда въ судъ былъ поданъ;
 Который смѣть велѣлъ его прекрасный трудъ.

Таки будешь всякому, кто только даръ имѣешь
 И льстишь пороку не умѣешь.

ОРЕЛЬ и СТРѢЛОКЪ. VY

Петрочъ меня! орель вдругъ крикнулъ на стрѣла:
 Дерзнешь ли высрѣлать по мнѣ своею рука?
 Орловъ и Римляне и Греки уважали,
 Священными они насъ признавали! —
 То были Римляне! стрѣлокъ Орлу сазалъ,
 А нынѣ людъ умѣе спалъ;
 Не очень о швоей заботишься породѣ:
 Теперь ужъ не Орлы, а Попугаи въ модѣ.

ЛАСТОЧКА и КОЛОКОЛЪ.

На башнѣ колоколъ висѣлъ,
 И самъ же ласточка гнѣдилась.
 На колоколъ вдругъ пиичка разсердилась:
 Ужъ шы мнѣ уши прозвенѣлъ;
 Въ собесѣствѣ живъ съ шобой моихъ силъ не до-
 шанешъ. —
 Молчалъ бы, Ласточка, охотно для себя,
 Но чшомъ, звонарь меня
 За длинный мой языкъ всегда насильно шянешъ.
 А шы, Глупонъ, за чѣмъ шы подымаешъ крикъ;
 Ужели и себя кшо шянешъ за языкъ?

ОТКУПЩИКЪ и ХАРОНЪ.

Узрѣвши шнѣ съ огромнымъ пузомъ,
 Харонъ вдругъ ахнулъ и вскричалъ:
 Боюсь, чшобъ съ симъ тяжельнымъ грузомъ
 И самъ я въ Стиксѣ не препалъ.
 Ошкуда шы и чшо шаное?
 Скажи дебелая душа;
 Ты видно чшо-шо не просшое,
 Ты Кардиналъ или Паша?
 „Кшобъ ни былъ я, но вы не стойше,
 Объ эшомъ сѣю васъ просшше,
 Ввалишься въ лодку мнѣ позволяше,
 Я долженъ въ шаршаръ поспѣшашъ;

Скажу, спарикъ, вамъ ошкровенно:
 Хочу проженшъ Шлушону дашь,
 И я надбюсь несомѣнно
 Вашъ перевозъ на ошкупъ взять.
 Всегда симъ плакомъ занимаюсь,
 Я въ мѣрѣ шолшъ, покоенъ былъ;
 Богашства многого лишаясь,
 О шомъ при смерти не шужилъ.
 Какіе знашные доходы
 Легко здѣсь можно получашъ:
 Сюда шолпящя всѣ народы
 И шакъ со всѣхъ мы можемъ драшь!
 Бришанцу скажемъ мы и Галлу:
 Намъ чистыя деньги ошочши;
 А господину Камчадалу:
 Ясакъ мѣхами заплаши.
 Теперь вы служише безъ плашы,
 Не правда ли? но у меня
 Вы скоро будеше богашы
 И шолью же почши какъ я;
 Не рубище на васъ дурное,
 Не сей засаленный колцакъ,
 Нѣшъ, будешъ плашье дорогое
 И пишь вы шанеше аракъ.“
 —Харонъ угрюмой, дикой, строгой,
 Смѣинулъ и въ первый разъ зашѣлъ;
 Не мудрено, мужикъ убогой
 Надежду къ шасшю возымѣлъ.
 Онъ жирной шѣни поклонился
 И съ ней какъ можно скоро плылъ;
 Шлыва, Юпитеру молился,
 Чшобъ грузъ его онъ сохранилъ.

МОРЕ и РЪКА.

Надулось Море предъ Рѣкою,
 Ревещъ: что значите вы Рѣки предо мною?
 Я съ важностью шеку по безднамъ, по синамъ
 И съ шумомъ въ ярости спремлюся къ облакамъ...
 — А мы, Рѣка въ отвѣтъ: не столь шумки волны,
 Но нашими водами
 Питаеяся земля,
 Тучиющъ гордые моря!

ЮПИТЕРЪ и НЕПОУРЫ. ✓

О просвѣщеніи Юпитера просилъ
 Непопуры, хотя во шмѣ щасливо жили.
 Смысь Юпитеръ шварилъ смѣ,
 Тотчасъ исполнилъ ихъ прошенье:
 Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
 Сказавъ: Непопуры! вошъ ваше просвѣщенье.

ЮПИТЕРЪ и ФАВНЪ.

Зевесъ, боговъ царь и отецъ,
 Въ красотку гордую влюбился;
 Юпитеръ ли не молодецъ?
 Но онъ напрасно волочился. —
 Меркурія къ ней посылалъ
 Съ богатыми Зевесъ дарами,
 И Эскулапа заславлялъ
 Любовь возжечь въ ней порошками.
 Худой успѣхъ они имѣли;
 Амуръ, сердецъ могущій богъ,
 Напрасно такъ же пращилъ стрѣлы.
 Но кто Юпитеру помогъ? —
 Былъ Фавнъ, мохнатая скотина
 И рожу всю имѣлъ въ угряхъ.
 Но Фавнъ шанцеръ, и вошъ причина,
 Что принявъ былъ во всѣхъ домахъ.
 По Фавкову Зевесъ совѣшу
 Спалъ Фавновымъ ученикомъ;
 Чтобъ нравиться любви предмету
 Юпитеръ сдѣлался козломъ.
 Не спало важности въ Зевесѣ:
 Онъ прыгаетъ и ночь и день;
 Вертишься вихремъ въ экосесѣ,
 Танцуешь даже *a la Renne* (*).
 Красотна скоро полюбила
 Зевеса, свѣтскаго козла,

(*) *Минуетъ a la Renne.*

И за шерстяные наградила,
 Чьим бога наградишь могла.
 Юпитеръ Фавна обнимаетъ:
 Познай мохнатый другъ, какъ Зевсъ
 Твою заслугу награждаетъ.
 Твой родъ внесу я до небесъ!
 Попомни Фавна будешь славны:
 Всѣ будешь шанцовашъ учишь;
 Я право вамъ даю, о Фавны!
 Красошкамъ голову кружишь! —

Красошки Фавновъ уважаютъ,
 Въ семь постоянны лишь онъ;
 Мушкетъ красошки оцѣняютъ
 Не по уму, но по ногъ.

ЦВѢТЫ и СОЛНЦЕ.

Цвѣты, прельстившись своими красошами,
 Смошрѣли гордыми на солнышко глазами;
 Но солнце отъ цвѣтовъ лишь отъвершило взглядъ,
 Изчезла ихъ краса и сладкій ароматъ. —

Что наша мудрость вся, что добродѣтель строга?
 Ничто безъ солнца цвѣтъ—и мы ничто безъ Бога!

**РАЗГОВОРЪ о СОЛОВЬѢ
МЕЖДУ ДРОЗДОМЪ и СОРОКОЮ.**

Каковъ же соловей!

Вѣдь вы его, сударыня, видали?

— Видала, башня мой: ужьшо-шо дуралей!

— Такъ видно голосу его вы не слышали?

Ахъ, какъ поешъ! не льзя его не почишать!

— Еі допс! шы соловья чрезчуръ ужь выхваляешь.

— А шы, мадамъ, за что его шакъ унижаешь?

— Онъ прыгаетъ не гораздъ, не масшеръ лепешать?

Такъ о доскоинсшвѣ сороки разсуждающъ,

И въ эшомъ женщины имъ часшо подражающъ!

**ПАРИКЪ и БОЛВАНЪ,
НА КОТОРОМЪ ЕГО РАЗЧЕСЫВАЮТЬ.**

Съ пѣшивой знаншосши когда парикъ снималъ,

То самый сей парикъ болванъ носилъ. —

Ужьшо-шо, чаю, вы сего дня разсуждали?

Болванъ у парика спросилъ:

Вѣдь много, думаю, у знаншосши разсудка?

— Камъ у шебя, дубоваго ошрубма.

ВОЛЫ и ЛОШАДЬ.

Спросили некогда у Лошади Волы:
За что боярину понравились Ослы?
Вѣдь рабешашь они намъ мало помогающь,
Однако больше ихъ и кормящъ и ласкающь.
— И вы не знаете, конь отвѣчалъ воламъ,
За что такая честь осламъ
И барская не милость къ намъ?
Таки знайте, брашцы:
Мы Рускіе, ослы же иностранцы! —

ПЧЕЛА и ОСА.

Оса Пчелѣ такъ говорила:
Давно во мнѣ ты зависть возбудила,
Нашъ родъ вездѣ гонимъ;
Вашъ родъ вездѣ любимъ,
Хоть также вашего боишься всякой жала,
И лучше насъ еще умѣешь лестишь! —
Не спорю, что лзимъ, пчела ей ошвѣчала;
Но медъ любя, насъ можешь не любишь?

Пчела — по кришкии полезной сочинитель;
Оса — безмозглый шпынь, завистливый хулишель.

 ПЫЛЬ и АЛМАЗЪ.

Пошерянный алмазъ въ пыли лежалъ,
 Алмазомъ пыль пренебрегала.
 —Ахъ! какъ ты предо мною малъ,
 Она ему сказала:
 Съ земли я гордо поднимаюсь,
 И въ уши и въ глаза прохожему бросаюсь;
 Здѣсь знаюшь всѣ меня: и лапоть и башмакъ!
 А ты ... какой бѣднякъ!
 Ни кто себя не примѣчаетъ.
 — За пылью? ... вдругъ алмазъ смиренно ошибъ-
 чаетъ.

И умъ шамъ не блеснишь,
 Гдѣ глупость нагая, какъ пыль глаза мрачишь.

 ЖЕЛѢЗО и КУЗНЕЦЪ.

Мучишель! и въ кузнецу желѣзо вопіяло,
 На шоль я создано, чтобъ ошъ тебя спрадало;
 Чшобы переносишь ужасный, адскій жаръ;
 Чшобъ сильный молота разилъ меня ударъ?
 Терѣвнѣ! кузнецъ желѣзу ошибъчаетъ:
 Минешъ спраданіе, ты примешъ лучший видъ,
 И свѣдшъ, что на тебя съ холодношью взираешъ,
 Полезное въ шобъ орудіе почшишь.

Таковъ сей басни смыслъ, чшашатель:
 Нашъ возвышаетъ духъ чрезъ бѣдствія Создатель!

НАХОДКА.

Въ ночь лѣтнюю глупецъ приѣхалъ, что блестящъ;
А что въ правъ блестящъ, о томъ не разсуждаетъ:

Глупцовъ блескъ всякой удивляетъ. —

Безмозглый радъ

И мнитъ, что кладъ

Безцѣнный онъ находитъ,

Къ безцѣнности подходитъ;

Хватаетъ съ жадностью дурацкая рука;

Повѣсилъ носъ глупецъ — нашедши червяка.

Не зная короною другихъ кто одѣяетъ,

Глупе, чѣмъ дуракъ, шепъ умникъ поспукаетъ.

ДУРАКЪ и ДРАГОЦѢННЫЙ КАМЕНЬ.

Не полированный, но очень драгоцѣнный,

Попался камень дураку.

Глупецъ, какъ видно, былъ Минералогъ ошибный,

На камень посмошрѣлъ и зацѣпнулъ въ рѣку.

И дарованія цѣнишь не всякой знаешь;

Глупецъ не видишь ихъ, иль видя презираешь.

БАРЫШНИКЪ.

Оставля прочія заботы,
 Въ торговлю Кляшѣ вступилъ:
 Спону бумаги онѣ купилъ,
 И собственнѣй работы
 Стихами написалъ;
 Помощь о барышѣ великомѣ возмечталъ.
 Но щещно съ приемами носился по базару:
 Гуршомѣ и въ розницу продашь не могѣ шовару.
 Ужѣ Кляшѣ и самѣ спонѣ не радѣ;
 Пынался въ лавку онѣ отдашь ее назадѣ,
 Но лавочникѣ не бралѣ, хошь дѣлалѣ Кляшѣ уступку.
 На силу въ горести набралѣ онѣ на купца,
 Который взялѣ спону за рубль у молодца,
 И смалѣ воспламеняшь свою стихами шрубну.

Иной богачѣ,
 Какѣ бѣдной сей риемачѣ,
 Богѣ всѣмѣ, что зашѣваемѣ,
 И наконецѣ барышѣ такой же получаемѣ.

ОСЕЛЪ ВЪ ЩАСТІИ.

Ты помнишь ли осла, волъ лошади сказалъ:

У нашего онъ господина

Навозъ шаскалъ;

Но къ удивленію сія скопина

На верхъ величія взошла:

Форшуна по уши влюбилася въ осла!

Навозъ сперва возилъ, а нынѣ возилъ Папу,

И Папскіе льстецы осла цѣлуютъ въ лапу;

Обвѣшенъ золотомъ, осыпанъ жемчугомъ,

Изъ смирной швари онъ сталъ страшнымъ гор-
децомъ.—

Да сталъ ли онъ умнѣй среди пышности и славы,

Спросила лошадь у вола?

—Сего-шо сдѣлать лишь форшуна не могла.

Перемѣненъ чesнь вишь не умы, а нравы!

 ДАМОНЪ.

Дамонъ имѣлъ не маду честь
 Фортуны зрѣшь въ себѣ любимца,
 И у Дамона, у счастливца,
 Не можно даже было счестъ
 Родныхъ, друзей горячихъ, страшныхъ,
 Не только нушашъ съ нимъ, и умерешъ согласныхъ;
 Но вдругъ фортуною за что то презрѣвъ онъ. —

Осиротѣвъ Дамонъ!

Друзья, которые съ нимъ умерешъ рѣшились,
 Не видя прибыли, все въ бѣгство обратились.

Лишь не разшалася собака съ бѣднякомъ,

Являя ласки одинаки.

Дамонъ задумался, и произнесъ попомъ:

Увы! друзья мои не стояшъ и собаки.

III.

НАДПИСИ.

СУВОРОВУ.

Мечемъ весь міръ страшилъ иной воишель славной,
 Но самъ предъ щасніемъ невѣрнымъ шрепешалъ;
 Суворовъ — къ колесницѣ бранной
 Съ побѣдой щасье приковалъ.

ПЫШНОМУ МАВЗОЛЕЮ. ✓

Народамъ и вѣнамъ сей мраморъ грделиво
 Вѣщаешъ: здѣсь лежишь временъ краса и диво:
 Свѣшальникъ мудросши, громъ браней и побѣдъ;
 Не смершый, — полубогъ, дрожалъ предъ комъ
 свѣщъ.
 Со страхомъ проходи, о пушникъ! близъ могилы. —
 Врешь мраморъ! подъ шобой лишь горсть презрѣн-
 ной пыли.

**НЕИЗВѢСТНОМУ СОЧИНТЕЛЮ ПѢСНИ О
 ПОХОДѢ ИГОРЯ ПРОТИВЪ ПОЛОВЦЕВЪ.**

Дьячекъ ли, Дьяконъ шы, Подьячій, или Дьякъ:
 Кшѣбъ ни былъ шы: Луна, Софронъ или Ермакъ —
 Живи подъ именемъ странъ Россикъ Оссіана.
 Но кѣмъ бы назвали мы швоего Баяна?

 ЗЛОПРАВУ.

О рокъ! еще ли я въ бѣдахъ не искусился?
 Злоправъ мнѣ въ дружбѣ извѣстился
 И душу мнѣ свою хотѣвъ онъ подарить,
 То ешь, чуму привишь!

 √ К Л И Т У.

Равняешь ты меня съ Жилбазомъ;
 Но съ кѣмъ же я себя сравню?
 Съ Сношниннымъ Тарасомъ? —
 Нѣтъ! все еще швой умъ я дорого цѣню.

IV.

ЭПИГРАММЫ.

6*

**ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ ПОПИЛЮ,
КОТОРАГО, КАКЪ ГОВОРИТЬЪ ЛЬТОПИСЬ, МЫШИ СЪЯЛИ.**

О участь жалкая несчастныхъ Королей!
Чего не дѣлаешь надъ ними роиъ нахальной?
Имъ Попиль осужденъ на ужинъ для мышей,
Навъ будшо бы Король огаромъ свѣчи сальной!

ТАРАСУ-АВТОРУ.

Тѣфу пропасть! все еще Тарасъ ты сочиняешь:
То ешь: писателей другихъ ты обираешь!
Пора покаяться; ну полно воровать!
Возможноль авторству шакъ жертвовашъ собою:
Ты правъ, что ты рожденъ съ порожней головою,
Но совѣсть погубя, вѣдь будешь отвѣчать.

К Л И Т У.

Клишъ мною огорченъ, ошмщеньемъ злобымъ ды-
шетъ.
О какъ я радъ! пуснай Саширу онъ напишетъ.
Я одъ его боюсь: шо сущая хула;
Сашира сѣдственнo мнѣ будешъ похвала.

ПО СЛУЧАЮ СПИСЫВАНІЯ ПОРТРЕТА СЪ
ОДНОГО ПРЕМУДРАГО МУЖА.

Вы пишете портретъ съ философа Ослова:
Похвально славною лиць въ портретѣ сохранишь. —
Но выдумка сія, повѣрьте мнѣ, не нова;
Вамъ можно болѣе философа починишь:
Съ живаго кожу сняшь, и чучелу набишь.

НЪ ВЪТРАНАМЪ.

Умомъ Французъ, красой Вѣтранъ снабжаетъ мода.
Уже ли ничего имъ не даешь природа? —

Г У Р У.

Нъ Христовой вѣрѣ Гуръ презрѣнья кажетъ видъ!
Глупецъ онъ былъ всегда, давно ли смалъ онъ Жидъ?

С К У П Я Г Ъ.

Что не говѣлъ сой годъ, скуляга, ты жалѣешь:
На что тебѣ говѣшь, ты цѣлый вѣкъ говѣешь.

ПИГМАЛІОНУ, ✓

КОТОРОЙ ВЛЮБИЛСЯ ВЪ МРАМОРНУЮ СТАТУЮ.

Гордися ты, Пигмаліонъ!
 Превозноси свою судьбину:
 Въ прекрасной мраморѣ ты влюблёнъ,
 А прочіе должны влюбляться въ глину (*).

К Л И Т У.

Учился долго Клитъ и очень много знаешь,
 Но глупо мыслишь оиъ, глупѣе поступаешь:
 По знаніямъ — подробный, Клитъ, Словарь
 А по уму Букварь.

КЪ МОДНЫМЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

О жены модныя! несносите вамъ Поэты
 Однако и ему въ васъ право нужды нѣтъ:
 Лишь Грація его и Музы восхищаютъ,
 А вукалы не прельщаютъ.

(*). Уже ли мы глина? спросятъ женщины. — Вольно
 вамъ не читать Библию.

КУТЕЙКИНУ,
КОТОРЫЙ, КОНЧИВШИ ВЪ СЕМИНАРИИ ПОЭЗИЮ,
ПОСВЯЩЕНЪ ВЪ ПОНОМАРИ.

Прошедъ Поэзію, прылашаго Пегаса
 Кутейкинъ осѣдлааь;
 Онъ думалъ залезъшь на верхъ горы Парнаса,
 Но быстрый конь его на колокольню мчалъ.

КЪ НАБЪЛЕННОЙ КОКЕТКѢ. ^{VV}

Кшо набѣлялъ тебя Вѣспрана?—Кшо? — Амуръ.—
 Возможноль! богъ любви счалъ нынѣшшукашуръ?

ЛЕНАРЮ.

Весь городъ удивленъ твоимъ выздоровленьемъ!
 Сего дня съ гордостью мнѣ ленарь говорилъ;
 — Да! да! я ошѣбчалъ ему на шо съ почтенъемъ:
 Всѣ ахающъ, что ты меня не уморилъ.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ.

Остави нешарь, скинешрь, громь,
Юпшерь, по уши влюбленной,
Нь Данаь, въ башнѣ заключенной,
Спустился золошымь дождемь. —
Прошли шь времена, настали вѣки бѣдны,
И рада красоша, какъ льешся дождь и мѣдны.

ОСЛУ ВЕЛЬМОЖЬ.

Дивишесь, что оселъ вельможею сшалъ нынѣ,
И должно кланяшся преглупой сей скошнѣ;
Но для чего ослу вельможею не бышь,
Когда могъ дрѣвле быкъ въ Египтѣ богомъ слышь?

ФРАНТУ, ПРИЧЕСАННОМУ *à la coq.*

Съ забавнымь встрѣшился сего дня я дѣшиной;
За диво можно бы показывать его:
    Пѣшущій гребень у него
    На головѣ ослиной.

Ф О Н Ъ.

Нашъ Фока хвастаетъ своимъ широкимъ лбомъ, —
За тѣмъ, что Харьковскимъ украшенъ онъ гербомъ.

В И Р Т У О З У А Н Т И П У.

На лиръ золотой когда Орфей игралъ,
То горы и лѣса и шаршаръ подвигалъ;
А ты, Аншипъ, когда на скрипкѣ заиграешь,
Смычокъ лишь подвигаешь.

Е М У Ж Е.

Коль Годо, или Дицъ играешь —
Въ весельи каждый восклицаетъ,
Восторга оцущая жаръ:
О музыка! небесный даръ. —
Но лишь Аншипъ въ гудокъ зазвонитъ,
То каждый охаетъ и спонетъ,
Вопитъ: о бѣдшвіе людей!
О музыка! ты бичь ушей.

 ЕМУЖЕ.

Чшо, наково вчера оркестромъ мы играли?
 Мы съ гордостью Аншиль сего дня проворчалъ:
     — О Боже! я вскричалъ:
     Вы слухъ мой разшерзали;
 Согласья ишь у васъ: цль скрыпки ваши въ ссорѣ?
     — Согласья? крикнулъ онъ въ задорѣ:
     Какой неапыный вздоръ,
 Искать согласія межъ нами:
 Межъ флейшой, скрыпками, басами—
 Когда въ Европѣ всей господствуешь раздоръ!

 БОМБАСТУСУ.

Безчисленны міры, и солнца, и кометы,
 Прошедши времена, системы, аргументы
 Въ огромной головѣ Бомбастусѣ все вмѣстилъ;
 И еслибъ мозгъ имѣлъ, не глупъ бы очень былъ.

ВЕСЕЛЬЧАНУ.

Ума и остроши въ заемъ шы хочешь дать;
Но гдѣ жебѣ ихъ взять?—

ЕМУ ЖЕ.

Напрасно весельчавъ шаю гордо помышляешь,
Что острошой меня и разумомъ снабжаешь:
Хотя шы иногда красно умѣешь врать,
Но всель шо золото, что можешь лишь блистать?

КЛИТУ.

Когда Державина безъ чувства Клишъ чишаешь,
То мнѣль пишашь стихи? Нышъ! полно; Фебъ!
проси:
Но скромный василень престанетъ ли цвѣсти,
За шѣвъ, что грубый мулъ и розу попираешь?—

ГОРАЦІЕВУ ПОДРАЖАТЕЛЮ. ✓

Изъ крашкой оды Фирсѣ, лишь произнесъ два слова,
Вселенная зѣвашь гошова.

ЕМУ ЖЕ.

И въ длинныхъ одахъ Фирсѣ явой умѣ не длиненъ
былъ,
А въ краškihъ шы его лишь больше сократилъ.

ЕМУ ЖЕ.

И Ломоносовѣ нашѣ ничню Фирсѣ предѣ шобою:
Сшранцами того не производилъ онъ,
Что можешь произвестъ шы спрочкою одною:
Досаду, смѣхъ, и грусть, и сонъ.

ПЕДАНТУ СОЧИНИВШЕМУ ЭНИГРАММУ.

Вѣшь чудо, да оно не свилось и Адаму:
Цѣлухъ Индѣйскій снесъ — яйцо? — цѣшь! эни-
грамму.

СНОВИДѢНІЕ.

Кричишь во снѣ жена: ага!

Поймала я барана за рога!

—Опомнись! Богъ съ тобою!

Мужъ ошѣбчаешь ей:

Ты сонная рукою

Меня схватила за шупей.

ХРЪНОВЪДУ.

Накъ строго Хрѣновѣдъ постышися каждый годъ.

—Чему же удивляешься?

Привыкъ Ословъ смиренный родъ

Сухояднѣемъ пишашься.

ПОДЪЯЧЕМУ.

Я также какъ солдатъ Отечеству служу;

Не правда ли?—меня ты Кохшишь вопрошаешь.

Большое сходство я межъ вами нахожу:

Тотъ кровь свою, а ты чернила проливаешь.

ГЛУПОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Ужъ и осѣлъ

На Пинѣ забрѣлъ.

БЕЗБОЖНИКУ.

Другіе, можете быць, шому дзвiшься шануць,
 Чшо страшному суду Свiньиць не вбрыць шы;
 Но я скажу: шы правь! предь Богомь не пред-
 шануць

Безсмысленны скошы.

ФЕДУЛУ.

Унизиць предприяць Федуль мяя словами;
 Возвысиць я хочу Федула похвалами:
 Въ награду свiшь почшеть обоихь насъ лжецами.

СИЛУ.

Въ Парижь побхаль Силъ; но св чымь прiбдешь къ
 намь?
 Ума не вывезешь; кису оставишь шамь.

ПРЕКРАСНОМУ, НО ГЛУПОМУ МУЩИНЬ.

Ахь! какь прекрасенъ Тишь; но молвишь правду
 машку:

Езопъ оиць на изнажку!

 ГУРУ.

О Небо! пощади несчастнаго меня:
 Пусшь овѣщещъ Гурь, иль пусшь оглохну я.

 Е-М У Ж Е.

Природа разными снабжаетъ насъ дарами:
 Какъ левъ мощь силенъ, храбръ; сей зришь быстрѣй
 Орла;
 Хотя Гурь по уму не схоишь и осла;
 Но въ свѣтъ Гурь великъ — козлиными ногами.

 ТАНЦМЕЙСТЕРУ ЛЕГКОСКОМУ.

Что древле былъ Орфей, то Легкоскоуь мемъ
 нами;
 По слову вдругъ его колоды скачущъ съ нями.

КЛИТУ. V

Я Клишомъ раздраженъ, и вошѣ тому причина:
Изъ подшиха меня онъ больно укусилъ;
Но можно ли, чшобъ я ему саширой мшилъ?
Сашира для людей, а для него. . . дубина.

НЕВЪРОЯТНЫЙ СЛУХЪ.

Что слышу? говоряшъ, что разны сочиенья,
Какъ шо: рецензію и длинны разсужденья
Гошовашъ для шисецъ!
Помилуйше! ужель печашныхъ мало вракъ,
Въ кошорыхъ продающъ на площади шабакъ?

У.

Е П И Т А Ф И И.

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Россия! гдѣ швой ПЕТРЪ?—Во гробѣ онѣ лежишь!
Ужели и боговъ смерть злоба не щадишь?

ЗАВОЕВАТЕЛЮ.

Сшой, путешникъ!... Здѣсь Гигантъ ужаснѣйшій
лежишь;
Предѣ нимъ вселенна шренешала!
—Возможноль! великанѣ въ сей ямочкѣ зарышь?
Сшынись вселенная! пошрясь шобою. . . карла.

НАДУТОВУ.

Накъ мало черезъ смерть Надушовѣ пошерял:
Онѣ въ жизни былѣ ничшо, а въ гробѣ прахомѣ
сталѣ.

ВЕЛЬМОЖЬ.

Вѣ подземномѣ здѣсь дворцѣ вельможа обинаешѣ,
Своею значностью червей онѣ угощаешѣ.

МОПСУ, ПОГИБШЕМУ ОТЪ ЛЮБВИ.

Чувствительный! вздохни о Вершере въпоромъ;
 Онъ также страшень былъ, но только былъ съ
 хвостомъ.

АНТИПУ ВИРТУОЗУ.

Весь въибъ Аншиибъ игралъ, несносно слухъ перзалъ;
 Онъ умеръ наконецъ, гудокъ свой обнимая,
 И положишь его съ собою завѣщалъ.
 Прохожій! берегись, чтобъ онъ не заигралъ.

ЕМУ ЖЕ.

Здѣсь плоть Аншипова по смерти почиваешь,
 Но въ адѣ духъ его нынѣ должность отправляешь:
 Для муки грѣшниковъ на сиринкѣ шамъ играешь.

 ЕМУ ЖЕ.

Неутомимый здѣсь Аншипъ слѣгъ для покоя:
 Онъ былъ шоль дивный виртуозъ,
 Чшо онъ игры его во время лѣшня зноя
 Крещенскій всякаго по кожѣ дралъ морозъ.

 ЕМУ ЖЕ.

Прохожій! шрепещи; могилу зришь ширана;
 Онъ звѣршвомъ превзошелъ Нерона, Тамерлана:
 Покою никому мучишель не давалъ;
 Младенцевъ, сшарцевъ, онъ друзей, родныхъ шерзалъ;
 Ни плачь, ни вопль его не шрогали ушробы;
 Онъ рѣзалъ у живыхъ сердца; былъ шигръ, палачъ!
 Дрожишь и хочешь знашь: ишо, кино сей извергъ
злобы,
 Ишо былъ сей живодёръ?— Онъ былъ Аншипъ
скрыпачъ.

 ЛЕНАРЮ.

Здѣсь погребенъ
 Брачебныя управы членъ:
 Два Ленаря надъ нимъ искусство ишощили;—
 О еслибъ Лекари лишь Ленарей лечили!

ИГРОКУ.

Сынъ щасшя, кого все Короли любили!
 Гдѣ слава днесъ швоа? Увы! прошла какъ дымъ.
 Холопы игроку и дамы измѣнили;
 Лишь черви поползли за нимъ.

БАРДУСУ.

Здѣсь Бардусъ погребенъ: что звучностию гласа
 Превосходилъ и Музъ, и Феба и Пегаса.

ОДНОМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Прекрасная душа, прелестно юно шбло
 О преимущесствѣ имѣли спорно дбло,
 Ношорое рѣшилъ недоумѣль и свѣшъ;
 Но шажбу оную рѣшилъ врачей совѣшъ.

Г . . . . . У.

Помѣстье, домъ прекрасный,
 Карезы, цуги, все оставилъ сей несчастный,
 И въ вѣчность отошелъ пѣшкомъ
 Съ одною кошею — съ *горбомъ*.

ВЫСОКОУЧЕНОМУ. ✓

Гниешь здѣсь гордая Лашынь.
 Аминь.

VI.

РАЗНЫЯ МЪЛКІЯ СТИХО-
ТВОРЕНІЯ.

НА ПОЛУЧЕНІЕ КАНДИДАТСКАГО
ДОСТОИНСТВА.

Нѣ перу! излей восторгѣ и радость опиши!
За рѣмой рѣма въ слѣдѣ, стихи за стихомѣ
сиди.

Десницей мощною ученаго Сената
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ!
Пешлицѣ сіяніемъ сребристымъ озаренъ,
Сшою на степеняхъ высокой Кандидата!
И Слава, обвивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печальный мой дипломъ!
Но могущъ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломъ понять безъ перевода?
Невѣжды прочь! а ты Дедаловъ правнукъ, Блюмъ! (*)
Въ столлярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И что всего важнѣй, шоль крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и пошопъ, огонь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ!

(*) Извѣстнѣйшій въ городѣ столляръ.

СТИХИ ПО ПРОЧТЕНІИ СУМАРОКОВА.

О горе, горе намъ,
 Мѣлопомѣшнымъ рюмачамъ!

Когда Парнасскій Князь, преславный Сумароковъ,
 Кошорый бочекъ сто Парнаскихъ выпилъ шоновъ
 И лавии книжныя спихами завалилъ,
 Когда и онъ страдалецъ рюемы былъ.
 Въ швореніяхъ его у ногъ Екатерины
 Цѣвшушъ для рюемы райски крины;
 А гдѣ стоишъ Великій Петръ,
 Тамъ по неволѣ дуешъ вѣшрѣ.
 Нѣшъ рюема! ты забудь насъ почишашъ рабами,
 Иль разсердясъ, тебя мы презримъ сами.

ПОХВАЛА ГУСИНОМУ ПЕРУ.

Природа перьями довольствувешъ гусей,
 А гуси оными снабжаютъ писарей;
 Гусиное крыло безъ перьевъ ослабѣшъ,
 И писарсна рука безъ оныхъ оскудѣшъ!
     За данно вамъ добро
     Природу гуси восхваляше;
     За драгоценное перо
 Подвѣчье главу предъ гусемъ приклоните!

ФОРТУНА.

Зевесъ позвашь иъ себѣ Форшуну приказалъ;
 Но гдѣ ее курьеръ Зевесовъ ошылскалъ?
 Не добродѣтели досшойно награждала,
 Въ конюшнѣ каменной осла она ласкала!

КЪ НѢКОТОРОЙ ШКАТУЛКѢ.

Шкашулка дорогая,
 Хотя изъ дерева, однако золошая!
 Магнитъ шкашулка для плушовъ,
 Приманка для воровъ,
 Ласкашелямъ забава,
 Зависшинамъ ошрава,
 Пресвишеровъ желанье,
 Подвѣчихъ прешыканье;
 Прибѣжище кунцовъ брадашыхъ,
 Дворянъ надежда шоровашыхъ,
 Пришанище нещасныхъ кораблей,
 Жишейскихъ посреди морей,
 Лишенныхъ денежнаго груза
 Черезъ двойну или шуза!
 Будь крѣпко заперта, шкашулка, для воровъ,
 Для мошовъ, для ханжей, бездѣльниковъ, льсщесцовъ;
 Гоги прочь ошъ себя и ябеду съ когшями,
 И зависшь молшую съ бѣсовскими глазами!
 Ошверсна бѣднымъ будь и добрымъ помогай,
 Тогда ошверзешся и для шкашулки рай.

ЗЕРКАЛО и УРОДЪ.

УРОДЪ.

Ты грубое стекло меня приводишь въ смѣхъ.
 Такъ гнуснымъ смѣешь ли изображать мой видъ?
 Будь вѣжливо: польши!

ЗЕРКАЛО.

Льстишь право не умбю;
 Лесть свойственна лисѣ, собацѣ и лакею.

СРАВНЕНІЕ.

Коль умб — небесный огонь: печь — наша голова;
 Чшожь наши знанія? — солома и дрова!

К О Н Ч И Н А

Одного молодого, знатного и богатого человека.

Поспой, свирѣла смерть! кричащъ съ любовью
 младость;

Взгляни! едва, едва мы въ жизни процвѣли,
 Не любовались мы другъ другомъ не могли. —

— Хоть насъ ты пощади, вопиющъ съ богатствомъ
 знаиность;

Пуснай поговорищъ о нашемъ блескѣ свѣтъ!

Оставь щастливца, смерть! ужель несчастныхъ
 вѣтъ?

Но ежели угодно шанъ судьбинѣ,

Чтобъ принесли, о смерть, тебѣ мы жертву нынѣ:

Шесть тысячъ душъ у насъ: любую выбирай!

Лишь съ жизнью ты насъ не разлучай! —

— Умолкните! смерть грозно отвѣчаешь:

Трава, о смертные! вы предо мною всѣ;

Но шѣхъ коса моя охотнѣй подсѣкаетъ,

Ножеры щастія цвѣшущъ на высотѣ.

С О Б А К И.

Погладивъ сѣраго, ласкать я жучку спалъ,

На жучку сѣрой вдругъ нагаль.

То видя, я сказалъ:

Коль можешь зависшь бышь межъ шварію шакою,

То какъ ужъ людямъ намъ не грызешься межъ
 собою! —

НЪ ЛЮДЯМЪ.

Гордишесь смертные умомъ;
 Но безираспрашно ишо въ дѣянья ваши зикнешь,
 Съ прискорбіемъ воскликнешь:
 Ахъ! міръ сей сумасшедшихъ домъ!

СТИХИ НА ПУТИ ИЗЪ ГОРОДА ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Умъ за заспавой я:
 Накал мнѣ ошрада!
 Передо мной. . . прелестныя поля;
 За мною. . . пыль и кирпичей громада!

ЦВѢТОЧИНЪ. ✓

Теперь краса явоя, цвѣточинъ, насъ прельщаетъ;
 Но ахъ! увянешь ты. —
 — До будущей весны!
 Безбожнику цвѣточинъ ошвѣчаетъ.

VI.

ЛИРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

 П О Э Т Ъ.

Смирись! ишобъ ни былъ шы, хошябъ власишель
свѣна:

Чшо пышный жребій швой предъ участью Поэша?
Хошь бѣденъ, но блаженъ; хошь смершенъ, но онъ
богъ.

Такъ! богъ: коль и боговъ шворишь онъ древле могъ.
Накъ пламень быспро онъ вселенну пролеташъ,
Орломъ надъ соляцами онъ крылья расширяшъ,
Сивозъ свѣна Океанъ во мрачны бездны зришъ,
Объемлешъ естество и жизнь ему даришъ.

Чудесъ шолнихъ машь повѣдай, древность, міру,
Коль всемогущъ Поэшъ, держа священну лиру:
Волшебнымъ гдѣ ея насался онъ сирунамъ,
Средь дикихъ вдругъ лусшымъ раждались грады
шамъ;

Нъ сиюнамъ его лѣса и горы преклонялись,
И шигры передъ нимъ, ласкаясь, просширались:
Такъ сей природы царь шворилъ и покорялъ!
Коль въ шаршаръ нисходилъ, и шамъ повелѣвалъ!
О даръ изящѣйшій, даръ божествамъ завидный!
Вы лишены его ширанны ненасытны:
Вамъ можно лишь въ крови народы пошоплять;
Поэшъ имѣшъ даръ безъ брани побѣждашъ.
Тамъ ваши узники шерзаются въ мученья,
Здѣсь плѣнники его линуютъ въ восхищенья;
Прегорьки слезы шамъ, сладчайши здѣсь шенутъ;
Тамъ власть ужасный бичъ, а здѣсь нъ блаженству
пушъ;

И еслибъ сямъ пущемъ ходили челобки,
 Злащые на земли господствовалибъ вѣки:
 Тогда бы смертныхъ родъ, лобзая жребій свой,
 Не преклоняла колѣнъ, о щастье! предъ тобой. —
 Что чувствую? восшоргъ объялъ меня небесной!
 Ошкрылось предо мной видѣнїе чудесно:
 Я зрю народовъ сонмъ въ прелестнѣйшей снранѣ;
 Благословѣющъ всѣ! — Средь сонма на холмѣ
 Я полубога зрю, иль мужа вдохновенна!
 Въ очахъ его душа сверкаетъ раздаленна;
 Какъ предъ грозою день, его шамъ мрачный видъ,
 Улыбной освѣщенъ, прельщаетъ и снранитъ.
 Валешбав на лиру омъ крылашными першами
 И слаще соловья восѣлавъ съ ей снрунами.
 Любовь и дружество, злашая цѣнь сердецъ!
 Васъ въ пѣсни возгласилъ божественный пѣвецъ,
 И чисты жершцы вамъ повсюду воспылали!
 Вражда! низринься въ адъ, народы воспылали.
 Низринулась! гласитъ въ восшоргъ имъ Поэтъ,
 И какъ Эдемскій садъ мїръ мїромъ процѣшитъ.
 Умолинулъ! . . и вѣнцемъ оливнымъ увязенный,
 Въ храмъ славы ошшелъ, пѣвцамъ опредѣленный.
 Не на развалинахъ сей храмъ сооруженъ,
 Не черепами людей злощастныхъ покровенъ;
 Не зрящя жершцы шамъ шрепещущи, сраженны
 И необрызганы шамъ черной кровью снбны.
 Убійцы! прочь ошсель! Такъ, шигры, сей не вамъ
 Прекрасный и свяшый воздвигнулъ славы храмъ,
 Пущь чудищся вамъ лещь, ползалъ предъ вами;
 Нездѣсь коль вснрбнишесь съ правдивыми пѣвцами,
 Прокляциемъ на васъ ихъ лиры возгремятъ
 И сей ужасный масъ всѣ вѣни повшорли. —
 А шы, мужъ доблесшый, что правдѣ побораешь,
 Мечемъ какъ молнїей лишь влобъ угрожаешь,

Приблизься! . . . се шебя безсмертне зовешъ
 И лиру звучную Поэшу подаешъ.
 Ошныѣ не умрешъ, великодушный воинъ!
 Омь истинна ѣвца хвалою шы удосшоенъ.
 Во мракѣ скрышь хошѣлъ Сашурнѣ швой дѣла,
 Раздался лирный звукъ и озарилась мгла. —
 Таковъ Поэти!—О сколь возлюбленъ шомъ судьбою,
 Кшо съ пламенной рожденъ и ѣвжною душою;
 Свѣщенныи на ного намшешвуешъ восшертъ,
 Ного ѣвшь научилъ самъ сшхотворсшва богъ;
 Другъ добродѣтели, врагъ гнуснаго короля,
 Не ждешъ онъ милосшей омь своенравна рока!
 Крезъ въ блескѣ, въ роскошахъ блаженшваненѣлъ;
 Гомеръ былъ въ нищезъ, но раемъ онъ владѣлъ.

 З Л А Т О Е В Р Е М Я .

Будешь время, что престанешь
 Лишь Форшуна сладкій ядъ,
 Смерсныхъ больше не обманешь
 Еввы сей прелестный взглядъ.

* * *

Будешь время: умъ отважный,
 Лилипушскій великанъ,
 Замыслы оставишь важны
 Досягнушь эфирныхъ странъ.

* * *

Будешь время, что спросишь нами
 Не дерзнешь уже играшь;
 Не дерзнешь она сердцами,
 Какъ Султанъ повелбвашь.

* * *

Будешь время, что гремушка
 Не павнишь, Герой, шебъ,
 Ни блестящая игрушка:
 Пересканишь бышь дилъ.

*

Будешь время: полъ прекрасный
 Не наложишь шы оковъ,
 И не будешь намъ опасны
 Милвидность и любовь.

Будешь время, что гонишь
 Слабыхъ кровъ пресманешь нишь;
 И небесный правды мечишь
 Громъ положишь опочишь.

* * *

Будешь время, что смирясь
 Люди, вздорливы слбицы,
 И покоемъ насладишь,
 Какъ прямые мудрецы.

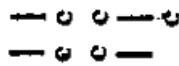
* * *

Будешь время: дарованья
 Глупости не оскорбашь,
 И уродливы созданья
 Не пощавашь имъ преградъ. —

* * *

Но сіе злѣшое время
 Не наступишь никогда,
 — Нѣтъ! наступишь, но тогда,
 Какъ исчезнешь смертныхъ племя.

О С Е Н Ъ

Скучна природа
 Стала шы вdrugь,
 Ясна погода
 Сь льшомь прошла.

* * *

Сизы шуманы
 Вьюшся вездь,
 Мрачны надь нами
 Тучи висяшь.

* * *

Хорь сладногласный
 Пшычекь умолиь,
 Ревь лишь ужасный
 Слышень авбрей.

* * *

Лисшь унадаешь
 Сь шумомь сь древесь,
 Цвьшь увядаешь,
 Гибнешь права.

* * *

Томиы бросаю
 Взоры вокругь
 И ощущаю
 Въ сердць печаль.

Вѣчно ли спяну
 Въ жизни цвѣсти? —
 Томе увяну
 Въ осень мою.

НЪ РОССІИ.

Гордись, Россія! ты сынами;
 Гордись предъ прочими странами!
 О славна мать! твой каждый сынъ
 Ужасный сердцемъ исполнилъ.

* * *

Онъ въ жертву все себя принесилъ:
 Покой, нищество и кровь;
 Царя міровъ усердно просилъ:
 Продай въ насъ къ матери любовь!

* * *

Пуснай завидливой рукою
 Судьба подпишетъ приговоръ:
 Сразишь цѣлый свѣтъ съ собою,
 И вскринешъ: смерть, или позоръ?

* * *

Смерть! смѣло мы злодѣямъ снажемъ,
 И землю кровью обогримъ;
 Судьбѣ завистливой докажемъ,
 Что храбрый Россѣ непобѣдимъ.

VI.

СТАТЬИ СВЯЩЕННАГО
СОДЕРЖАНІЯ.

ПѢСНЬ ВѢРЪ.

Воспрями духъ мой усиленный!
 Всю бодрость нынѣ ты яви:
 Спращей шираншвомъ наложенны,
 Постыдны цѣпи разорви;
 Да узришь ты себя достойнымъ
 Небеснымъ пламенемъ горѣшь,
 Усерднымъ гласомъ и приспойнымъ
 Всевыльна Бога дщерь воспѣшь.

Прекрошкую и преблагую
 Дщерь правосуднаго Творца,
 Сиремлюсь я Вѣру лѣшь свящую.—
 Прочь, прочь, широпшивыя сердца!
 Лжемудрецы! для васъ невнятенъ
 Гласъ истины, гласъ ябси сей;
 Вамъ фурій адскій крикъ пріишенъ,
 Учащихъ злобѣ васъ своей.

Съ небесъ, откуда свѣтъ исходишь,
 Проспри, богиня, лучь ко мнѣ,
 Туда мой духъ свой взоръ возводишь:
 Се, воскриленъ паритъ въ тебѣ!
 Священный страхъ его обьемлешь,
 Безмолвенъ шамъ и удивленъ;
 Онъ сладкогласнымъ ликамъ внемлешь,
 Ошвсюду блескомъ ославленъ.

Не сели Вышняго чершого,
 Ошколь вселенной правишь Онъ,
 Ошколь праведный и строгий
 Ирекъ швореніямъ законъ?—
 Ошсель міры въ прахъ обращаешь
 И новы маниємъ шворишь;
 Ошсель Онъ въ душахъ чишаешь
 И каждую песчинку зришь.

У шрона, славой окруженна,
 Гдѣ Громовержець возсѣдишь,
 Се на колѣнахъ, шоль смиренна,
 Дщерь Бога, Вбра предстоишь!
 Умильный зранъ ея блискаешь
 Сердечной шеплою слезой,
 Такъ Май лилею украшаешь
 Алмазной по зарямъ росой.

Съ просшершыми она руками:
 „О грозный Богъ! о мой Ошець!
 Речешь любезными усшами,
 Призри на вѣрныхъ мнѣ, Творецъ!“
 Всей злобой ополчась, бунтуешь
 Прошлявъ меня адъ на землѣ:
 Да Сѣверь, другъ мой, шоржествуетъ
 И возвращишь полсѣшна мнѣ.“

„Мои разрушилъ Западъ храмы,
 Лжеудрость божествомъ нарекъ;
 Тамъ шаршаръ овладѣлъ душами
 Въ исполненный развраша вѣкъ!
 Единый Сѣверь защищаешь
 И добродѣшель и меня,
 Всемощный! онъ къ Тебѣ възываетъ:
 Прославь его! прославь Себя!“

Такъ вбра Россамъ побораешъ!
 Таковъ ихъ къ ней усердья плодъ!
 Доколѣ Вбру почишаешъ,
 Цвѣшущъ пребудешъ сей народъ;
 Проспрешъ лишъ къ ней свои оубъ длаки,
 И адснхъ избѣжишь сѣшей:
 Такъ, Вброй крѣпкоу Россѣ во брани
 И непосупенъ средь смершей.

Но что за Фурія зянешъ
 И пламень вержетъ на меня?
 Какъ жалоу—взоромъ уязвляешъ;
 Впилася въ сердце ей змя,
 Другія вкругъ главы віюшся,
 И черныя ядъ шия ліюшъ;
 Слова ужасны раздаюшся
 И душу всю мою шрясушъ.

„Спрашисъ шы моего ошмщенья!
 Кому хвалу шы воздаешъ?
 Во дни шолки просвѣщенья
 Кого безумный шы поешъ?
 Дерзнулъ шы славословишь Вбру!
 Сшонрашъ мудрѣйшіе шеба
 Презрѣнну видашъ въ ней химеру
 И чшушъ богинею мемя.“

„О несравненная награда
 Для ревностныхъ рабовъ моихъ!
 Обильно всѣ ушѣхи ада
 Лію всечасно я на нихъ:
 Съ улыбкой по цвѣшамъ ступаюшъ;
 Нѣшъ шерія на ихъ пуши;
 Сомнѣнья, страхи понираюшъ;
 Къ нимъ скорбь не смѣешъ подойти.“

„Возри на моего любимца!
 Онъ прахомъ былъ покрытъ и шьюмой,
 И се сіяешь какъ Денница:
 Онъ вознесень, прославлень мной!
 Я власть даю ему надъ міромъ!—
 Пльнись его шы шоржествомъ,
 Повергнись предъ моимъ кумиромъ,
 Почши нечесшь божествомъ!“

Изчезни адско порожденье!
 Не божество, шы бичь земли!
 Свирьбисшо, ужасъ, испребленье
 Всегдашни спушники швои!
 Гдъ шы—ошшуда вожделѣнны
 Бѣгутъ согласье, шншина;
 Сь ибмъ шы—въ шомъ нравы развращенны,
 Душа шого злодѣйшвъ полна.

Коль гибельно шо упоенье,
 Чшо въ сердцѣ производишь шы!
 Пройдешъ ужасно изсшупленье,
 Изчезнушь буйшвенны мечны,
 Сь опчаяньемъ шупъ извергъ взглянешъ
 Въ зеркалѣ правды на себя;
 Но шщешю проклинашь онъ шамешъ
 Тогда, чудовище, себя!—

О смершныи! Вѣрой шы одною
 Блаженсшво истинно найдешъ!
 Царемъ поставлень ли судьбою,
 Иль въ низкой долѣ жизнь ведешъ;
 На лонѣль щасшья почиваешъ,
 Иль злобнымъ рокомъ шы гонимъ,
 Да сь Вѣрой швердо пребываешъ,
 И Небомъ будешъ шы хранимъ.

Какое вблизище чудесно!
 Се съ горнихъ мѣстѣ она грядешъ,
 Надежда и Любовь небесна,
 Обнявшись, вдушъ ей во слѣдѣ,
 Всѣ добродѣтели рунами
 Сдѣлясь, низходяшъ въ дольный миръ,
 И неба ошягченъ дарами
 Грядешъ въ вѣщи ольвиномъ мирѣ.

Божественный отъ спранъ зѣира
 Внезапно къ намъ спремншся гласъ;
 На крылахъ легкаго зефира
 Къ прекрасну сонму обращаєшъ
 Такъ вѣра крошкка вѣщаешъ:
 „Внемлите, стонешъ какъ земля;
 Какъ въ блѣдны перси ударяешъ
 Раба невѣрная себя!“

„Что въ буйствѣ, дерзна, предпріала?
 Къ погибели своей она
 Войной прошивъ того возстаде,
 Изъ перси къмѣ сотворена;
 Измѣной адской обольщена,
 Предъ злобною Царицей шьмы
 Въ знакъ рабства пала на колѣна;
 Ошринушъ Богъ, презрѣнны мы!“

Изшоргнувшись вдругъ развиренна
 Изъ ада буря какъ лешитъ,
 Крылами вихрей восхищенна;
 День ноцію, ноцъ днемъ творитъ,
 Сшихи съ ревомъ побуждаешъ
 Сраманься яро межъ собой,
 И вмигъ въ природѣ разрушаешъ
 Порядкомъ дикый и покой.

Такъ Фуріями вдохновенна,
 Съ геенскимъ фанеломъ въ рукахъ,
 Спремияся машь предерзновенна
 Сердца воспламеняшь въ сынахъ:
 Въ нихъ буйство, злобу возбуждаешъ,
 Спращиямъ свирѣпствовать велишь,
 Блаженства прочаго лишаешъ
 И адскими мечшами льстишь.

Безумные безумной внежлюшь;
 Вошце къ нимъ совѣшь ихъ вопишь:
 Оружье адское подвемлюшь,
 Гошovy съ небомъ въ бой всшупишь.
 Падуть со шрескомъ Царски шройы,
 Дымятся въ пепѣ олшари,
 Ногами пошраны законы,
 Шумяшь кровавые ручьи.

Смиришесь, брашья, ослбленны,
 Иль дерзнихъ васъ смирю единь!
 Восклинуль мразомъ возвращенный
 Межъ льдами страшный исполнивъ:
 Съ васъ иго адское низвергну,
 Я васъ засшавлю мирно жишь;
 Власшь Царску, Вбру чшишь свшценну
 И добродштели любишь.

Онъ рекъ, и мечь сверкаешъ
 И адски полчища падушъ;
 Коварство чшо ни вымышляешъ,
 Ничшожнымъ зришь оно свой шрудъ;
 Яришя шаршаръ, негодуешъ,
 На раны, побѣдишь, глядишь,
 Но съ небомъ кулно Россъ ликуешъ,
 Зра дерзосшныхъ урокъ и стыдъ.

„Грядемъ въ скраиѣ благословенны,
 Тамъ Вбра слушницамъ речешъ,
 Гдѣ идема живущъ мнѣ вбры:
 Тамъ насъ усердіе ихъ ждешъ;
 Для насъ и храмы шамъ опверсны,
 Гошвы чысны жершвы намъ,
 Но сердце Россовъ чуждо лести,
 То намъ прекрасный будешъ храмъ.“

Гряди къ намъ Вбра благодашна!
 О коль намъ вождельна шы!
 Спрана у насъ сурова, хладна,
 Но сердце полно шеплошы;
 Найдешъ въ немъ доблешъ и покормошь
 Тебѣ, законамъ и Царю,
 Найдешъ всегдашнюю гошовношь
 Принешъ вамъ въ жершву жизнь свою.

Во вбни царсивуй шы надъ нами
 О Вбра! шы блаженшва машъ;
 Мы любимъ, чшимъ шебя сердцами,
 Сшремимся сшнпешрѣ швой лобзашъ:
 Ты въ жизни сей для насъ ошрада,
 И въ вбчноши веселье намъ.
 Терзайшеса любимцы ада:
 Вамъ горе здѣсь и горе шамъ!

СОНЕТЪ (*)

Колико, Господи, судьбы Твои правдивы!
 Веселіе Твое — намъ милости шворишь;
 Но Ты, Создатель, зришь души мои спротивы,
 И правдою судя, мнѣ можешь ли простишь?

* * *

Такъ, Боже, предъ Тобой я грѣшникъ нечестивый:
 Достоинъ власи Твоя мнѣ казни опредѣливъ:
 Слассись не долженъ рабъ, какъ я, грѣхлюбивый,
 И благосиъ къ намъ Твоя его не пощадишь!

* * *

Пролей Ты на меня всю праведную ярость,
 Яви къ слезамъ моимъ презрѣніе, не жалость:
 Грми, громомъ порази, и бранью брань омиши;
 Погибну я законъ и гнѣвъ Твой обожая.

* * *

Но что! куда перунъ повергнешь Ты?
 Зри! — всюду кровь на мнѣ Христова пресвятая.

МОЛИТВА.

Услышь меня, о Боже, съ вышешы!
 Мольбу единую къ Тебѣ я возсылаю:
 Подай, Всещедрый, мнѣ не то, чего желаю;
 Но то, что Самъ подашь восхоцешь Ты!

(*) Переводъ изъ Дебаро.

VIII.

ПРОЗАИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

СКАЗАНИЕ О ѠЕМИДѢ И ОБЪ ИНОПЛЕ- МЕННЫХЪ ПРИКАЗНЫХЪ.

Обитаемая нами планета значилъ менѣе во вселенной, нежели какой нибудь уѣздный городъ въ обширной Россійской Имперіи. Удивительно ли, что богиня Правосудія не часто посѣщаетъ нашъ уѣздный міръ? Ея присушествіе нужно и для другихъ планетъ, изъ коихъ нѣкошорыя, по своему пространству и многочисленности, заслуживаютъ названіе міровъ Губернскихъ. Таковъ Юпитеръ: онъ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе земли. Московскій гигантъ Иванъ Великій ничто въ сравненіи съ Юпитерскимъ подъячимъ, копорого карманъ ужасная бездна, могущая поглотить всѣхъ крючкотворцовъ земнаго шара. Вотъ нашими приказными громадами озабочено теперь Правосудіе! — Не сколько восхищается земнородный крапивнаго естества, наблюдая сквозь очки движеніе красной ассигнаціи въ рубль просителя, сколько восхищался одинъ знаменитый Астрономъ нашей планеты, взирая сквозь волшебный телескопъ на слѣдующее произшествіе:

Быстро напилася Ѡемидина одноволка по эфирной сполбовой дорогѣ. На границѣ Юпи-

перской атмосферы удивительное зрѣлище представилось очамъ Ѳемиды: шесть парадныхъ филиновъ важно подвигали шоржестивенный берлинъ, откуда выглядывала угрюмая Ночь, оправая на себѣ блестящія звѣзды. Сіяющая мрачность согласилась, по усиленной прозьбѣ Правосудія, закрыть звѣзды свои черною манпильею. Симъ воспользовалась Ѳемида, и очутилась на площади одного города, подлѣ огромнаго зданія, не въ величествѣ богини, но въ смиренномъ видѣ челобитчика. Какое-то горестное предчувствіе стѣснило сердце Ѳемиды! Появившаяся луна указала ей на крыльцѣ высокихъ и алашъ: чернильницы сокрушенныя, бумагу разшерзанную и перья изгрызенныя. — Здравствуй, Правосудіе-челобитчикъ! въ щала съ усмѣшкою Луна. Спранно мнѣ, Ѳемида, что ты при одномъ взглядѣ на посвященный тебѣ храмъ повѣсила уже носъ. О! сколь будешь ты упѣшена, когда лучезарный братъ мой покажетъ тебѣ служителей швоихъ. Клянусь Спиксомъ, что на Юпитерѣ подьячіе самыя неугомонныя швари. Теперь, во время всемирной пишины, иные изъ нихъ за наршочными шполами гремяшъ алпынами, другіе при неистовыхъ восклицаніяхъ бьютъ въ дребезги опорожненныя флаги и красоули; иные же въ ябедническомъ изспуленіи зашпавляють кричать несчастныя перья; даже и шъ, которыхъ Морфеи держитъ на при-

вязи, нарушають спрашнымъ храпѣніемъ
 спокойствіе природы. Проспи, жалкое подъя-
 чское божество! скоро увидишь ты съ
 Авророю. Багряная сія богиня не замедлила
 показаться верхомъ на красной лошади. И
 съ богини, и съ коня сыпались румяна. При-
 мѣшя въ Оемидѣ удивленіе, Заря сказала ей:
 такъ ли ты удивишься, когда увидишь дѣв-
 ственную красому подъячихъ здѣшной пла-
 неты. Райскія розы цвѣтуть на ихъ пух-
 лыхъ ланцахъ, и небесная лазурь (бываетъ
 не рѣдко) у нихъ подъ глазами. Внезапно
 отворились двери храма и вышло нѣкое при-
 казное чудо для нѣкоего нешерпящаго про-
 волочки дѣла. Ужасный писарь возвратился
 въ свое логовище, зѣвая и попягиваясь. Не
 только бѣднаго челобитчика, но и Аврору
 взглядомъ онъ неудостоимъ. — Вотъ, сказала
 Аврора Оемидѣ, одинъ изъ своихъ причеп-
 никовъ. При наступленіи ночи Морфей за-
 спалъ его въ храмѣ своемъ еле движущагося,
 и повергъ безчувственна съ презрѣніемъ подъ
 лавку. Ахъ! еслибы Морфей не подъ лавку,
 но въ преисподнюю забросилъ сіе скаредное
 порожденіе ябеды, находившееся при по-
 сѣднемъ издыханіи, отъ чрезмѣрнаго приема
 пьяной акциденціи. Ты видѣла, какъ грубо
 обошелся со мною крючкомворецъ. Но мо-
 жешь ли Заря обижаешься нечувствитель-
 ностію сего живошнаго. Само солнце ни-
 когда не зрѣло на Юпитерѣ такого дива,

чтобы великолѣпнѣе его восхищался подъячій. Въ гадахъ и въ чудовищахъ возбуждаютъ, кажется, солнечные лучи нѣкоторое чувство благодарности, а въ подъячихъ, въ сихъ одаренныхъ жизнью куфахъ, производятъ они только броженіе. — Правда! воскликнулъ Фебъ; — и Заря, засвидѣтельствовавъ ему и Ѧмидѣ усердное почитаніе, усклала. Въ слѣдъ за нею оправила и пишина. — Разнозвучные голоса колоссальныхъ жителей Юпитера попрысали воздухъ. Сиповашый и принужденный подъяческій голосъ опличался отъ другихъ и былъ несносенъ для ушей Правосудія. — Вскорѣ покрылась Ѧмидина площадь нижайшими формами: онѣ имѣли скрюченное шуловище, проворныя ходули, оспрые когти, желѣзной лобъ, мушкетерскіе глаза; ноздри пабаку алчущія, уснѣ воды жаждущія, уши длинныя, пернатые и карманы широкіе, укладистые. Хищное сонмище раздѣлилось на двѣ части: меньшая, кашляя и кряхтя, всступила во храмъ Правосудія, а большая направила стопы къ Бахусову капищу. — Богиня-челобитчица дрожащею ногою коснулась прага судилища. Остановись! грозно сказала ей нѣкая пѣшивая особа: я здѣшняго храма понамарь! должность моя состоитъ въ томъ, чтобы наполнять жершвенные сосуды чернилами и собирать пошлину со входящихъ въ Ѧмидино святилище моельщиковъ. По-

дай алпынѣ! — Тщепно Правосудіе увѣряло своего понамаря, что оно, по неизбѣжно широкихъ кармановъ, не могло запаспись алпынами: грубой алпынникѣ хотѣлъ уже опшолкнуць, опѣ дверей бѣдную свою богиню; но Фебъ шакъ сильно бросилъ лучъ въ его пѣшивую голову, что пошлина вылетѣла опшуда вмѣстѣ съ памяшью. — Освобожденная опѣ приказнаго Цербера Фемида вошла вовнутренность храма. Какая чрезвычайная картина поразила взоры Правосудія! Тамъ спрашная бумажная гора возносила до пополна гордое свое чело, увѣчанное паушиною; а здѣсь проспиралось длинное деревянное поле, усѣянное чернильницами и шабакерками испещренное; по краямъ его возвышались бумажные холмы, на кошорыхъ съ крикомъ бѣгало многочисленное спашо гусиныхъ перьевъ. Принуждали ихъ къ тому бездушные дѣячи храма. Къ одному изъ сихъ дѣячковъ, сирѣчь, подѣячихъ, подошла богиня-челобитчикѣ и сказала ему, что ей нужна помощь Правосудія. Подѣячій, не говоря ни слова, пропянулъ къ ней руку. Фемида подходила къ каждому изъ нихъ по очереди, но всѣ они молчали и пропягивали руки. Богиня погрузилась въ мрачную задумчивость. Вижу, шепнулѣ ей наконецъ подѣяческій голосъ, что шы челобитчикѣ непросвѣщенный. Пойдемъ въ капище премудраго Бахуса, принесемъ ему на пшвой щешъ ушреннюю жершву, и тогда опкрою

шебѣ важныхъ таинства нашего храма. Опирай мнѣ напередѣ, сказала Фемида, гдѣ ваши жрецы, гдѣ вашъ дьякъ и гдѣ вѣсы правосудія? Все сіе принадлежитъ къ таинствамъ, ошвѣчалъ подьячій. Взглянувъ на него съ презрѣніемъ, Фемида вышла изъ храма. — Она возвела къ Солнцу печальные взоры. Чувствительный Фебъ и самъ прослезился. Онъ подавъ ей знакъ, чшобы слѣдовала за нимъ, и привелъ ее на одинъ пространный дворъ. — Здѣсь толпа народа, обремененнаго различными приношеніями, тѣснилась вокругъ огромныхъ вѣсовъ. Съ ошчаяніемъ увидѣла Фемида надпись: *вѣсы правосудія* и споявшаго подлѣ нихъ жирнаго дьяка. Посмотримъ, говорилъ дьякъ, одному ошвѣщику, что ты въ свое оправданіе положишь на сіи безпристрастные вѣсы. — Я владу, сказалъ несчастный, мою совѣсть, мою обиду, мои слезы. — И только! возгласилъ дьякъ; а ты, господинъ истецъ, что положишь въ доказательство справедливости своего иска. — Не только положу, но и спашаю, ошвѣчалъ судьяга. Владу сію сафьянную архиву, наполненную синими, красными и бѣлыми докуменшами; въ дополненіе же спашаю я на безпристрастные вѣсы фуру пшпашельныхъ докуменшовъ и серокую бочку самаго крѣпкаго доказательства справедливости моего иска. Ошвѣщикъ проигралъ, воскликнулъ дьякъ: вѣсы Правосудія упали на швою,

испецъ, оторону. Иди съ миромъ и поклонися жрецамъ. — Чувствуешь ли ты, съ гнѣвомъ у дьяка спросила Эмида, что такое Правосудіе. — Очень чувствую, опивчалъ дьякъ, погладивъ себя по толстому чреву. Правосудіе, очищенное отъ акциденціи, составило бы нѣкую воздушную снѣдь довольно, можетъ быть, сыпную для постыныхъ людей, именуемыхъ добрыми: но весьма не удовлетворительную для привазной лакомой ушробы. Утверждаютъ въ школахъ, что Правосудіе добродѣтель, а преданіе гласитъ, что оно Правосудіе божество; но можетъ ли сія добродѣтель, сіе божество сравниться съ свѣжепросольною-осеприною и съ копченымъ окорокомъ? — О Солнце, вскричала Эмида, принявъ на себя величественный видъ богини, ты обещаешь вселенную, вѣщай: гдѣ еще роспушь столь подлѣе дьяки и подьячїе? — Нигдѣ, опивчалъ Фебъ. Въ небольшомъ мірѣ, называемомъ Землею, привазные не столь крупны, какъ на Юпитерѣ; но они могутъ почестъся украшеніемъ своей планеты. Земные дьяки и подьячїе не опиваютъ и не обыгрываютъ просишелей, не кривятъ душою, чужды ябеды, непричастны акциденціи, усердны Государю и Правосудію. Если бы шамъ осмѣлился дьякъ перенести изъ судилища на свой дворъ вѣсы правосудія: то онъ былъ бы осмѣянъ, презрѣнъ и повѣшенъ. — А ты, любодѣвъ, вѣщала Юпитерскому дьяку

Фемида, думаешь ли, что злодѣянiя свои останутся не наказанными? Позови же ко мнѣ искуснаго Анапомика! — Всепресвѣпльѣйшая богиня, возопилъ дьякъ, бью челомъ о нижеслѣдующемъ: повели разсмотрѣть мое уголовное дѣло судебнымъ порядкомъ и дозвожь мнѣ окаянному умереть по формѣ. — Между тѣмъ явился искусный Анапомикъ, и узнавъ, что должно попросить дьяка, произнесъ, по сему случаю, вѣщевашую Ламинскую рѣчь. Потомъ разшнуровавъ дьяка на сороковой бочкѣ, принялся анапомить его карманъ. Дьякъ ощутилъ ужасное мученiе и поднялъ жалкой крикъ. Посинѣвшее лице и судорожное движенiе персповъ, недавно алшины принимавшихъ, показывали исходъ дьячей души. Вскорѣ вылетѣла она изъ распорошаго кармана въ образѣ непопыря, и спрадалецъ преспавился. — Богиня приказала разрѣзать лавомую упробу, но Анапомикъ поклялся всею Мифологiею, что отъ вскрышiа дьячего чрева непременно произойдетъ моровая язва. — Въ головѣ у дьяка найдено, сверхъ множества ярючковъ, основательное познанiе о ходячей монетѣ, о напишкахъ и свѣстныхъ припасахъ; подъ ябедническими ногтями примѣчено ядовитое чернило, а въ груди (къ лѣвой сторонѣ) отысканъ большой камень. Фемида повелѣла на семъ намѣ вырѣзать надпись: *губительное сердце Юпитерскаго дьяка* — и сію нашураль-

ную рѣднсть ошослала вѣ Кунсткамеру. Туда же отправила и дѣячій шрупъ, посадивши вѣ наполненную спиртомъ сороховую бочку.—Неизвѣстно еще, какъ поступлено съ подьячими. Но весьма вѣроятно, что они наказаны публично анапомическимъ ножемъ и сосланы вѣ Кунсткамеру.

Преблагородные дѣяки и подьячіе здѣшняго міра! вы, безъ сомнѣнія, гнушаетесь пороками и злодѣйствами преподаыхъ вашихъ собратій на Юпитерѣ. Сколь вы почтенны и щасливы, ешьли вы добродѣтельны. Вѣ прошивномъ случаѣ спрашшесь Правосудія и ножа анапомического.

ИСТОРИЧЕСКОЕ и ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ о БЛОХЪ (*).

Блоха занимаетъ не послѣднее мѣсто между мучителями рода человѣческаго. Чертопа ея показывается, что она есть изчадіе ада. Много ли шакихъ щасливцевъ, которые бы хотя однажды въ жизни не испытали лютоспи сего чудовища?—Блоха не сморитъ ни на возрастъ, ни на состояніе; не смягчается прозьбами, не боится угрозъ; докучлива какъ проситель, увертлива какъ подьячій, когда персты уязвленнаго имъ Правосудія спремятся его раздавить.—Исторія представляетъ намъ ужасный примѣръ вшей, умертвившихъ Римскаго Дикшатора Силлу. Плутархъ, повѣствующій о семъ ужасномъ пораженіи гордоспи, отдаетъ лавровый вѣнокъ однимъ только вшамъ; но кто не видитъ здѣсь его приспраспія, и кто усумнится, чтобы блохи, всегдашніе союзники вшей, не принимали участія въ достопамятной ихъ побѣдѣ.—Такъ! міръ препеталъ предъ Римомъ, Римъ предъ Силлою, а Силла воспрепеталъ не предъ одними вшами,

---

(*). Намечано въ Вѣстникѣ Европы.

но и предъ достойными ихъ союзниками. Осподавая, панимъ образомъ, должную блохамъ справедливосць, признаемъ, что торжесство ихъ надъ могущесствомъ побѣдителя Марія и Мипридаша сколь унизительно, споль и полезно для сильныхъ міра сего. Не лучше ли оно краснорѣчивѣйшей проповѣди учить ихъ смиренію?—Греція такъ же не мало потерпѣла отъ нашествій соединенныхъ варваровъ блохо-вшей. Могучему ея Геркулесу легче было поразить Немейскаго льва, Лернскую гидру и ужаснаго дракона, нежели богатырскою своею палицею убить ходя одну блоху!—Нынѣшнія времена могутъ, по справедливоспи, гордиться предъ древними тѣмъ, что ни одинъ полководецъ не погибъ подобно Силъ. Умалчивая о войнахъ другихъ народовъ, скажу, что наши Герои, хотя часто принуждены бывають сражаться съ многочисленными арміями Азіятскихъ и Европейскихъ блохо-вшей; но такъ же храбро побѣждаютъ ихъ, какъ и прочихъ своихъ неприятелей. При всемъ томъ блохи такъ овы и нынѣ, какъ овы были при Геркулесѣ. Онѣ не измѣнились подобно Римлянамъ и Грекамъ. Между тѣмъ, какъ сіи послѣдніе, забывъ славу Перикловъ, Эпаминондовъ и Агезилаевъ, работѣнно повергаются предъ Султаномъ, блохи, сохраняя древнюю независимосць, мужесшвенно нападаютъ на его шучное величество. — Тщешно въ Сераѣ урод-

ство сперезелѣ красопу: республиканцы врывающа шуда и, наслаждаясь прелестными Султаншѣ, приводяшѣ въ бѣшенство ревниваго ширана. — Чершогг прочихъ Государей не всегда безопасны отъ блохъ: онѣ прыгающѣ шамѣ посреди другихъ насѣкомыхъ, кошорья приближающа ко шрону, къ нещасшю, иногда народовѣ и Царей. Чашо, весьма чашо гонимая добродѣтель смиренно стоитѣ въ передней вельможи, а блоха, покровительствуемая фортуною, гордо присушствуешѣ въ его кабинетѣ. — Но ежели какой льстецѣ думашѣ, что палаты Царей и вельможѣ для блохъ неприсшунны, да вѣдаешѣ, что онѣ и самыхъ языческихъ боговѣ посѣщали. Длинная Юпитерова брада не однократно касалась земли и служила блохамѣ лѣспвицею на Олимпѣ. Сш земныя шщцы большою чашю оставались въ шессовой брадѣ, какѣ говоритѣ преданше, и шолько въ ней размножились, что дерзнули обшлвишѣ войну Царю боговѣ. Мудрая Минерва совѣшовала Зевесу обршсья, и шакимѣ образомѣ освободитѣ себя отъ угрожавшихъ ему Тшпановѣ; но онѣ въ гшвѣ, презирая бришву, повергѣ Перунѣ. Тогда потрясса Олимпѣ, обшшая пламенѣ брада сѣ шумомѣ низшала на землю и причинила потѣ славный пожарѣ, кошорый описываетѣ Овидш во второш книгѣ превращенш! Будучи поэтѣ, а не историкѣ, Назонѣ не былѣ обя-

занѣ представивъ сіе происшествіе въ истинномъ его видѣ; почему не удивительно, что онѣ здѣлали Февову колесницу изъ Юпитеровой бороды, а Фаэтона изъ блохъ. — И пакѣ, естли могущество Юпитера не успрашило неистовыхъ блохъ-Типановъ, по какая власшь на землѣ удерживъ ихъ въ предѣлахъ уваженія? Чего же должна ожидать отъ нихъ добродѣтель? — Ахъ! не довольно ли терпѣвъ она отъ злобы, зависти, коварства и предразсудковъ! надобно еще, чтобы и блохи преслѣдовали ее по пупи жизни. Но утѣшься, несчастная! праведное Небо любивъ тебя болѣе, нежели Юпитера. Гордосшь, пышносшь, власшь во вѣки не укроются отъ блохъ: онѣ сыщутъ ихъ въ адѣ. А для тебя уготовано такое жилище, къ которому ни одна блоха приблизиться не дерзнетъ. — И ты, бѣдная ученосшь, щещно возносишь на чердакѣ и, окруженная громадами книгъ, сидишь подѣ парижомъ. Мизософы-блохи преодолеваютъ всѣ сіи укрѣпленія, усремляюща на тебя со звѣрствомъ Сарацинъ и упивающа своею кровію. Когда же, послѣ храбраго сопротивленія, удаешь тебѣ полонить хотя одного изъ шемныхъ враговъ твоей свѣтлости; ты неумерщвляешь его, какъ другіе, но съ безпримѣрнымъ блохолобіемъ заключаешь только въ микроскопъ. Повергнишь предѣ Александромъ великодушнымъ, что въ Россіи дарованы тебѣ

надежнѣйшія средства защищаться отъ блохъ, нежели каковыми пользуешься ты въ Германіи. Въ Россіи не имѣешь ты нужды влѣзати на чердакъ, окружать себя нижнею спѣною и пошѣшь, сидя подъ парикомъ. — Казалось бы, что черные кровопійцы должны ужиться въ мирѣ съ своими собратіями, незаконорожденными чадами Юриспруденціи. Душа подьячего, которую всякой можетъ видѣть за весьма умѣренную цѣну, даже и по нынѣшнему курсу, душа подьячего сущая блоха: также черна, также мѣлка, проворна, язвишельна, безстыдна, ненасытна. При всемъ томъ блохи поспушаютъ съ подьячими споль же нагло, какъ они съ своими несчастными жершвами. — Вся разность въ томъ, что блохи пьютъ одну кровь, а подьячіе и водку и вино и полпиво и пуншъ и кровь. — Да возстанетъ на нихъ смѣшная сила блохъ; да покроетъ ихъ отъ кармана до пера, лежащаго за ухомъ; да искусаетъ до костей и проникнетъ до сердца, которое щещно спарается грызть беззубая ихъ совѣсть.

Предоставляю мужамъ ученѣйшимъ говорить о началѣ, происхожденіи, законахъ и просвѣщеніи блохъ: матерія обильная, во второю можно начинишь нѣсколько огромныхъ фоліаншовъ!

СЛОВЕСНЫЯ ОБЕЗЬЯНЫ.

Обезьяны составляют нечто среднее между человеком и прочими животными. Такая немаловажная честь особенно принадлежит тем из них, которые населяют значную часть Западной Европы. Видом и смелыми ухватками они почти те же орангутанги; но от сих косматых собратьев своих отличаются, сверх гладкости тела, способию болтать и напевать арии. — Как! скажут мне, подлая сивари имбуль безцѣнный даръ слова! — Оснавьте восклицанія; намъ ли постигнуть намбрение Творца природы. Ему угодно было, чтобы Европейскія обезьяны говорили, и они говоряли. — Словесные орангутанги, не смотря на сродное имъ непостоянство, жили всегда обществомъ. Они имѣли правительствво, и даже обряды Богослуженія, не потому, чтобы знали пользу и важность священных сихъ установлений, но из одного только слѣпнаго подражанія сосѣдственнымъ народамъ. Всякой легко себѣ представилъ, что царство обезьянъ должно быть презабавное царство. Если сии животные и въ дикомъ, безсловесномъ состояннн, въ кошордѣмъ онѣ въ Африкѣ и другихъ жар-

нихъ странахъ находящяся, могутъ зашавишь хохоташъ самаго угрюмага Лорда Англинскаго; шо будучи въ Европѣ общежительными и словесными, должны онѣ имѣть въ высочайшей степени способность смѣшншь и забавлять. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не лзя было лучше предохранить себя отъ гипохондріи, какъ между ними, и пошому люди, кошорые боялись умереть отъ скуки, сѣвшили въ нимѣ ошовсюду. Столица ихъ была наполнена богатыми празднлюбцами. Проворныя обезьяны ревностно старались занять своихъ госшей достойнымъ ихъ образомъ. Для сего употребляли онѣ все свое неподражаемое, смѣхотворное искусство; и госши были столько къ нимъ признапельны, что за кривлянья ихъ бросали имъ полными горшкми не орѣхи, но червонцы. Блеспящіе жемчужечки весьма нравились Европейскимъ орангушангамъ: они хващали ихъ съ жадностію, разсмащивали и перебирали съ любопытствомъ, побрякивали ими съ шуморымъ щещеславіемъ и берегли ихъ съ великимъ раченіемъ. Такимъ образомъ иная обезьяна стала богата, какъ Крезъ; а другой Крезъ, поживши въ столицѣ орангушанговъ, сдѣлался голъ, какъ обезьяна. Бѣдный сей человекъ подвергся неминуемо презрѣнію и наглости тѣхъ самыхъ животныхъ, кошорымъ оказывалъ онъ свою непомѣрную и преглауную щедрость. Неблагодарные бросали въ

него грязью, дѣлали ему тысячу другихъ ругательствъ и принуждали его уходить безъ памяти изъ скопскаго ихъ царства. Дерзость и неблагодарность Европейскихъ орангутанговъ не могли произвести въ людяхъ справедливой ненависти къ подлымъ и насмѣшливымъ шварямъ симъ, напрошивъ того безразсудная къ нимъ привязанность превратилась въ сильную спрость, и разумныя существа до того наконецъ унизились, что спали подражать обезьянамъ. Подобно имъ кривляясь, прыгая, лепетая—считалось ошлечнымъ достоинствомъ, а упражненія такого роду сославляли то, что называлось хорошимъ воспитаніемъ. Знашныя и доспащочныя люди съ великимъ иждивеніемъ выписывали словесныхъ орангутанговъ и съ сердечнымъ удовольствіемъ поручали имъ дѣшей своихъ. Подъ руководствомъ превосходныхъ сихъ учителей питомцы быспрыми успѣхами восхищали своихъ благо-разумныхъ родителей. Въ короткое время дѣлались они также забавными, какъ и насмѣшными ихъ. Орангутангское воспитаніе сполько было уважаемо, въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, что самая лестная, для молодого мужчины, или женщины, похвала сосполяла въ семъ привѣспвіи: вы, сударь, или сударыня, ни мало не походите на человека; вы совершенная обезьяна, или покрайней мѣрѣ имѣли щастіе воспитан-

вапсья вѣ споліцѣ словесныхъ обезьянѣ. Но перестанемъ говоришь о семъ постыдномъ заблужденіи людей; умолчимъ о пагубныхъ его слѣдствіяхъ, и заглянемъ опять вѣ царство Европейскихъ орангушанговъ. Нѣсколь-ко вѣковъ члены забавнаго сего общества играли, шавъ сказать, почти всегдашнюю комедію. Если бывали иногда прагическія представленія, то онѣ сопровождаемы были поль спранными кривляньями, что вмѣсто сожаднїя возбуждали вѣ зрительхъ громкїи смѣхъ. Обезьяны казались почти нечувствительны кѣ бѣдствіямъ: чшобы имъ ни приключилось, онѣ прыгали и пѣли. Непрерывная веселость ихъ и многія выгоды, копорыя онѣ отъ людей получали, дѣлали ихъ щасливыми живошными. Но могла ли существовать вѣчная дружба между непостояннымъ щасїемъ и вѣшренными обезьянами? Долговременное согласіе наскучало и шому и другимъ. Обѣ стороны, для любезной перемѣны, желали здѣлаться непримиримыми врагами. Коварный нѣкїи духъ постарался исполнить взаимное ихъ желаніе. Чшобы на всегда поссорить Европейскихъ орангушанговъ со щасїемъ, онѣ внушилъ имъ дерзкое, для нихъ и для свѣша пагубное предпрїятіе. Словесныя, но безсмысленныя швари сіи возмечтали, чшо онѣ вѣ состоянїи не только сравнїшь сѣ людьми, но и превзойти ихъ. Онѣ захотѣли переступить черту, отдѣляющую,

такъ сказать, словеснаго орангушанга отъ
 истиннаго человѣка, чершу, подлѣ которой
 всякая обезьяна должна сказать себѣ: *non plus
 ultra!* захопѣли онѣ умствовать. Въ продол-
 жение нѣсколькихъ сполѣпшій грубая ихъ душа
 (если позволено какую-нибудь душу полагаешь
 въ орангушангѣ) достигла мало по малу до
 возможнаго для обезьяны совершенства, но
 желая идти далѣе, какъ ракъ поползла назадъ.
 Обезьяны опшюдь сего не примѣшили:—бредъ
 свой почитали онѣ умствованіемъ, и всякой
 вздоръ, какой только приходилъ имъ въ голову,
 выдавали за важное опкрытіе и неоспоримую
 истину. Все имъ не нравилось, все хотѣли
 перевернуть, и виждали отъ досады, чув-
 ствуя себя не въ силахъ вселенную въ верхъ
 дномъ опрокинуть. Орангушанги присвоили
 себѣ названіе философовъ. Посмотримъ
 пещерь, въ чемъ состоитъ великая ихъ пре-
 мудрость. Орангушангскій философъ дол-
 женъ быть также опличенъ отъ нефилосо-
 фа, какъ зеленая маршшша отъ пифика съ
 бѣлою бородою; онѣ презираетъ всѣ обязан-
 ности, не имѣетъ ни страха, ни надежды,
 и боится только одной висѣлицы; осмива-
 етъ все то, что человѣческимъ благора-
 зуміемъ и опытностію признано за нужное,
 полезное и священное; что возвышало и
 дѣлало щасливыми не только людей, но
 нѣкоторымъ образомъ и самыхъ словесныхъ
 обезьянъ; единственнымъ своимъ законо-

нодашелемъ почитаетъ онъ природу, а недбныя бредни свои, силонности, прихоти и спраспи называетъ ея законами. Сообразно съ сими законами философу приличнѣе ходишь на четверенькахъ, нежели на двухъ ногахъ; онъ можетъ смѣло посадить на вершѣ подобнаго себѣ философа, и сжаривши его, свѣспь какъ барана; ему непристойно любить своихъ родителей, и сокрушаться о смерти ихъ, по той важной причинѣ, что никогда волъ не заболитъ о бѣдномъ сосполнѣ пресшарѣлаго бапюшки своего бына, и никогда оселъ не оплакиваетъ покойной мапушки своей ослицы. Словомъ: вообразимъ всѣ гнусныя, смѣшныя, жалкія и ужасныя свойства, какія только въ самыхъ низкихъ скошахъ когда-либо замѣчены были, и мы увидимъ тѣ совершенства, къ которымъ ведетъ орангушангская философія.

Не съ такою скоростію и легкостію Африканскія марпышки вскарабкиваются на вершину пальмоваго дерева, съ какою Европейскіе орангушанги стремились на высоту новой премудрости. Успѣхи ихъ были удивительны. Къ чему много способствовала чрезвычайная ихъ дѣтельность, переимчивость, а особливо удобность, съ какою они повсюду и безъ великаго шруда могли пользоваться ученіемъ: всякой хлѣвъ былъ для нихъ Академія, и всякое четвероногое животное могло, не хуже Канша, преподавать имъ практичес-

скую философію.—Между орангупангскими мудрецами наиболѣ прославилась одна длинная, желтая, пощая, уродливая обезьяна. Для нѣжнаго уха пріятно будетъ слышать, что она называлась *Rl-oeua*; но была извѣстнѣе подъ именемъ *Ubrt-eoia*. Ее почитали апаманомъ многочисленной философической шайки. Одинъ орангупангъ, коего сладкозвучнаго имени я не помню, написалъ толстую книгу о семъ длинномъ (я хошѣлъ сказать великомъ) своемъ соотечественникѣ. Со всею точностію историка повѣствуетъ онъ, что желтая обезьяна, по большей части, ходила въ красныхъ пшанахъ и въ огромномъ рыжемъ парикѣ. Ему казалось, что и сіе обстоятельство будетъ нѣкогда для свѣта драгоценно. Вотъ какъ уважали орангупанги первосвященнаго мудреца своего! Но не одни Орангупанги, нѣтъ! должно, къ стыду человечества, признасть, что весьма многіе изъ людей почти богошворили безобразную сію обезьяну. Она шакъ искусно правляла философское вранье свое, что трудно было, ошѣдавши его, узнать сокрытый въ немъ ядъ. Однимъ какимъ-нибудь насмѣшливымъ кривляньемъ заспавляла она молчашь и здравый смыслъ, и совѣсть. Ея стараніемъ новая премудрость, какъ нѣкая зараза, распространилась повсюду. Молодые люди, по легкомыслію своему поль близкіе къ обезьянамъ, были наиболѣ подвержены прилипчи-

вой сей болѣзни. Они гордились именемъ орангушангскаго философа, доказывая сужденіями и поспупами своими, что не напрасно присвоили себѣ пынное сіе названіе. — Вѣру, любовь къ опечеству и всѣ испинно челоѵчскія добродѣтели почиали заблужденіемъ, предразсудкомъ, невѣжествомъ, варварствомъ; а слово *добрый* было тогда шолько ими употребляемо (особливо на любимомъ ихъ орангушангскомъ 'языкѣ), когда хошѣли они бранишь или осмѣяшь кого-нибудь. При такихъ достоинствѣхъ чего недоспавало имъ, чтобѣ бышь совершенными философами? шого шолько, что они все еще, не изѣспно по какой причинѣ, ходили не на чепверенькахъ! — Длинная обезьяна прыгала опѣ радости, видя орангушангскую философію въ шоль цѣвущемъ состояніи; но смерть прекрапила ее кривлянья, прежде нежели созрѣли плоды скотскаго ея ученія. Злое зелье сіе было, по возможности, искореняемо разсудкомъ въ странахъ, населенныхъ людьми: но въ царствѣ Европейскихъ обезьянъ ничто не могло препятствовать его размноженію. Словесные орангушанги съ жадностію пожирали дурманъ сей, и обвѣвнись его, пришли въ несказанное бѣшенство. Вдругъ изъ забавныхъ животныхъ здѣлались свирѣпыми чудовищами. Неспало въ царствѣ ихъ порядка, который предки ихъ, древнія обезьяны, опѣ людей заимствовали.

Какъ самые опасные изъ Американскихъ змѣевъ, узнающаея по гремушкамъ, такъ самые лютые изъ Европейскихъ обезьянъ замѣтны были по краснымъ колпакамъ. Подъ ихъ предводительствомъ бѣшеные орангутанги съ неописанною яростію бросались другъ на друга, грызлись и рѣзались между собою. Можно ли было думать, чтобы неслыханные до того времени ужасы произошли отъ столь смѣшныхъ шварей! Конечно бы неистовое племя ихъ само собою испребилось; но въ несчастію свѣта появилась между ними обезьяна, ростомъ съ пифика, но гораздо его безобразнѣйшая. Пификъ сей одержалъ верхъ надъ красными колпаками, и мало по малу поработилъ себѣ и всѣхъ словесныхъ обезьянъ. Казалось, что припадки бѣшенства ихъ прошли; но скоро увидѣли, что сіе было только временное облегченіе въ ихъ болѣзни. Первые признаки возобновившагося бѣшенства оказались въ уродливомъ ихъ обладателѣ, а въ слѣдъ за нимъ одурѣли, по прежнему, и подваспные ему. Заскрежеталъ зубами, пустилъ пѣну ртомъ, и, таща за собою премногочисленную сволочь, ворвался въ сосѣдственныя Государства, опушолилъ Западъ Европы и бросился на Сѣверъ. Но грозный Сѣверный народъ умѣетъ потчивать незваныхъ гостей: то испытывали и въ которые завоевывали, то испытываетъ достойный ихъ подражателъ бѣшенный Пификъ.

фий. Уже половина предводимыхъ имъ орангушанговъ погибла отъ жестокой діарреи, копорая произошла отъ сильно на нихъ подѣйствовавшаго спраха, при первой встрѣчѣ съ раздраженными Гиперборейцами. Оспальные, безъ сомнѣнія, будучъ перекочены въ непродолжительномъ времени. Можно бы здѣлашь имъ слѣдующую надгробную надпись, копорая бы послужила, можетъ бысть, въ копорымъ наставленіемъ для ихъ соотечественниковъ и единомышленниковъ: обезьяны! *хотите ли быть щастливы: кривляйтесь, но не чмствуйте*; однакожъ нѣкто искреннѣйшій пріятель мой, спраспный спихощворецъ, копорый и во снѣ бредитъ ямбами, ушверждаетъ, что заготовленная имъ эпитафія гораздо лучше сей надписи.

Съ согласія его помѣщаю ее здѣсь въ концѣ моего о словесныхъ орангушахъ повѣствованія.

Э П И Т А Ф И Я.

Почто, прохожій, спадъ, узрѣвъ сія могилы?
 Иль мыслишь: здѣсь лежатъ безспрашныя Ахиллы.
 Бѣги, не заразишь ты воздухомъ слухъ спранъ,
 Гдѣ бѣшеныхъ шолны зарышы обезьянъ.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ДВУМЯ МЕРТВЕЦАМИ и МЕРКУРИЕМЪ.

МЕРКУРИЙ, АНГЛИНСКІЙ ПОЕДИНЩИКЪ и ДИКІЙ
СЪВЕРО-АМЕРИКАНЕЦЪ.

П о е д и н щ и к ъ .

Пока Харонъ переправится къ намъ съ другой стороны Стикса, позволь мнѣ, Меркурій, поговорить съ дикимъ Съверо-Американцемъ, кошораго ты сюда со мною привелъ. Я никогда не видалъ такого рода людей. Какой у него свирѣпой взглядъ! — Послушай! какъ тебя зовутъ; ты конечно говоришь по Англински?

Д и к о й .

Да! я выучился языку сему въ ребячествѣ, проживши нѣсколько лѣтъ между Англичанами въ Новомъ Йоркѣ. Но я возвратился къ Могокцамъ, храбрымъ моимъ землякамъ, прежде нежели достигнулъ совершеннаго возраста; и будучи при продажѣ рому, безчестнымъ образомъ обманутъ однимъ изъ своихъ соопщичей, старался всегда послѣ того не имѣть съ ними никакого дѣла. Однако же я сражался за нихъ вмѣстѣ съ про-

чими моими земляками въ послѣднюю прошивъ Французовъ войну, и убитъ, находясь въ паршии для сдиранія кожи съ череповъ непріятельскихъ. Но я умеръ въ полномъ удовольствіи; ибо собратія мои одержали побѣду, и покуда меня заспрѣлили, удалось мнѣ, въ славѣ моей, снѣть кожу съ семи мужчинъ, пяти женщинъ и нѣсколькихъ младенцевъ. Въ прежнюю войну совершилъ я гораздо блистательнѣйшіе подвиги. Меня называютъ кровожаднымъ медвѣдемъ; имя сіе дано мнѣ для означенія моей лютоści и неуспрашимости.

П о е д и щ и к ъ .

Мое почтеніе г. кровожадный медвѣдъ: я вашъ покорнѣйшій слуга. Меня зовутъ Со-мою Пошуеломъ. Фамилія моя очень извѣстна въ Аршурѣ. Я родомъ дворянинъ, а ремесломъ каршежный игрокъ и человекъ съ честью. Убиваешь людей на похвальныхъ поединкахъ мое дѣло; но я не мастеръ рѣзать женщинъ и младенцевъ.

Д и к о й

Такъ мы воюемъ. У каждаго народа свои обычаи. Но я догадываюсь, по своему свирѣпому виду и по скважинѣ, которая видна въ груди швоей, что ты также, какъ и я убитъ, находясь въ паршии для сдиранія кожи съ череповъ непріятельскихъ. Какъ же, по

могло случиться, что неприятель твой не ободрает твоей головы?

Поединкиъ.

Я убитъ на поединкѣ. Другъ мой ссудилъ меня нѣкоторою суммою денегъ. Но спустя два, или три года, подвергнулся онъ самъ крайнему убожеству и захотѣлъ, чтобы я съ нимъ расплашился. Мы сошлись въ Гайш-Паркѣ. Противникъ мой не умѣлъ драться на шпагахъ, а я былъ искуснѣйшій фехтовальщикъ въ Англіи. Я далъ ему три, или четыре раны, но наконецъ онъ съ такимъ бѣшенствомъ на меня устремился, что привелъ меня въ замѣшательство и пронзилъ въ легкое. На другой день я умеръ, какъ человекъ съ честью, равнодушно и безъ раскаянія. Однако и онъ вскорѣ за мною послѣдуетъ, ибо лекарь объявилъ, что раны его смертельны. Говорятъ, что жена его умерла съ печали, а смерть его приведетъ къ гибели все его семейство, состоящее изъ семерыхъ дѣтей. Такимъ образомъ я весьма уже опомщенъ и упѣшенъ! Что до меня касается, то у меня нѣтъ жены: я всегда гнушался женитьбою. Любовница моя найдетъ вѣрное средство прожить и безъ меня; а дѣти мои не останутся безъ призрѣнія въ воспитательномъ домѣ.

Д и к о й.

Меркурій! я не сяду въ лодку съ эшимъ негодяемъ. Онъ умершвилъ своего согражданина; онъ умершвилъ своего друга. На опрѣав говорю тебѣ, что не сяду въ лодку съ эшимъ негодяемъ. Лучше для меня переправись въ плавь чрезъ рѣку; я плаваю, какъ ушка.

М е р к у р і й.

Перецымшь черезъ Спиксъ! нѣшъ! ты нарушишь законы Плутонова царства. Слупай въ лодку и успокойся.

Д и к о й.

Не говори мнѣ о законахъ: я дикій и мнѣ они неизвѣсны. Поговори о нихъ съ Англичаниномъ. Въ его опечествѣ еспь законы; но ты видишь, что онъ ихъ не уважалъ. Они бы не позволяли ему умершвилъ своего согражданина, и пришомъ за то, что онъ попребовалъ своихъ денегъ. Я увѣренъ, что Англичане варвары; но они не могутъ быть свирѣпыми до такой степени, чтобы подобные поступки признавались у нихъ законными.

М е р к у р і й.

Ты справедливо осуждаешь Англичанина; но тебѣ ли огорчаться убійствомъ, когда ты самъ умерщвлялъ сонныхъ женщинъ и младенцевъ въ колыбели.

Д и к о й,

Я убивалъ однихъ невріащелей. Я никогда не умертвилъ моего согражданина; никогда не умертвилъ моего друга. — На! положи въ лодку мое покрывало; но смотри, чтобы убійца на немъ не сидѣлъ, или не припротнулся къ нему; иначе я брошу покрывало мое въ огонь, который виденъ на той сторонѣ Спикса. Прощай — я рѣшился переплыть чрезъ Спиксѣ.

М е р к у р і й,

Симъ прикосновеніемъ жезла моего лишаю тебя всей твоей силы. Плыви шеперь, когда можешь.

Д и к о й.

О могущественный чародѣй! возврати мнѣ мою силу. Право я не выду изъ повиновенія.

М е р к у р і й,

Возвращаю тебѣ силу твою, но веди себя порядочно и поступай по моимъ приказаніямъ. Въ противномъ случаѣ опасайся гораздо худшихъ послѣдствій.

П о в д и щ и к ъ.

Отдай его, Меркурій, въ мои руки. Пусть онъ будетъ подѣ моимъ присмотромъ. Слушай дикой негодяй! какъ ты осмѣлился презирать моимъ сообществомъ? знаешь ли ты, что въ Англіи принимали меня въ лучшихъ собраніяхъ?

Д и к о й.

Знаю, что ты бездѣльникъ. Не заплатишь долгу; убишь друга, который ссудилъ тебя деньгами, за то, что онъ отъ тебя ихъ по-требовалъ! Прочь съ глазъ моихъ! я утоплю тебя въ Спиксѣ.

М е р к у р и й.

Постой. Повелѣваю тебѣ, чтобы ты не дѣлалъ никакого насилія; разговаривай съ нимъ безъ сердца.

Д и н о й.

Долженъ тебя слушаться. — Ну! скажи мнѣ, какое находили въ тебѣ достоинство, что принимали тебя въ хорошихъ обществѣхъ? Что ты умѣлъ дѣлать?

П о е д и щ и к ъ.

Ты уже слышалъ отъ меня, что я игралъ въ карты, сверхъ того у меня былъ хорошій столъ: ни въ Англіи, ни во Франціи нигде не ѣлъ лучше меня.

Д и к о й.

Такъ ты ѣлъ хорошо! Да ѣдалъ ли ты печенку, стегно или плечо убитаго Француза! Вотъ развѣ славное кушанье! мнѣ на моемъ вѣку развѣ двадцать доставалось лакомиться Французяпиною. Я всегда держалъ хорошій столъ. Жена моя во всей Сѣверной Америкѣ

почиталась искуснѣйшею въ приготовленіи Французскаго мяса. Ты, чаю, согласишь, что кушанье швое никакъ не могло сравниться съ моимъ?

Поединщикъ.

Я неподобно танцовалъ.

Дикой.

Попляши-ка со мною. Я цѣлой день въ состояніи плясать, и пропляшу военный шапонецъ съ большою живоспшю, нежели кто либо изъ моихъ земляковъ. Покажи ты намъ свое искусство! Что же ты стоишь, какъ столбъ? Не ужели Меркурій ударилъ тебя своимъ жезломъ? Или ты спыдишься показать намъ, какъ ты неловокъ и нескладенъ! Если бы позволилъ мнѣ Меркурій, то бы я тебя заставилъ протанцовать такъ, какъ ты еще никогда не танцовалъ. Говори же, что еще знаешь ты, негодный самохвалъ?

Поединщикъ.

И я долженъ все сіе переносить! О Небо! что мнѣ дѣлать съ эшимъ нахаломъ? У меня нѣтъ ни шпаги, ни пистолетовъ; а шднь его, повидимому, вдвое противъ моей силнѣ.

Меркурій.

Ошвѣчай на его вопросы. Ты самъ желалъ вскупить съ нимъ въ разговоръ. Онъ не хо-

рошо восприявъ; но ты узнаешь отъ него нѣсколько истинъ, которыхъ по неволѣ долженъ будешь выслушать отъ Радаманша. Онъ тебя спрашивалъ; что еще умѣлъ ты дѣлать, кромѣ того, что ты бѣл и шандовалъ?

П о е д и щ и к ъ.

Я весьма пріятно бѣлъ.

Д и к о й.

Ну шабъ пропой же мнѣ свою надгробную, или военную пѣсню. Я тебя вызываю пѣшь. — Но онъ онѣмѣлъ! онъ лжець, Меркурій. Все вралъ, что ни говорилъ. Позволь мнѣ вырвать у него языкъ.

П о е д и щ и к ъ.

Меня называешь лжецомъ! — но ахъ! я не смѣю мстить ему. Какое безчестіе для всей Цошуэловой фамиліи! Вотъ сущее мученіе!

М е р к у р і й.

Прими отъ меня, Харонъ, сикъ двухъ динихъ. Можешь ли грубое невѣжество оправдать сколько нибудь Могонца въ ужасныхъ его злодѣяніяхъ, о томъ пусть Миносъ разсудитъ. Но что скажешь въ пользу Англичанина? не то ли, что поединки вошли въ обычай? но сіе извиненіе ни къ чему здѣсь для него не послужитъ. Не чести побудила его обнажить шпагу противъ своего друга, но фурии, и — къ нимъ должно его опривить.

Д и к о й.

Еспыли должно изверга наказашь, помини
его ко мнѣ, Меркурій. Я великій мастеръ
мучишь. Вошъ тебѣ, бездѣльничѣ, на первой
разѣ нѣсколько оцѣ меня цинковѣ.

П о ж д и щ и к ѣ,

О честь моя, бѣдная моя честьъ, какому
подверглась ты поруганію!

НѢЧТО ОБЪ УМѢ И ПРОСВѢЩЕНІИ.

Ничемъ сполько человекъ не гордится, какъ умомъ. Мы охотно иногда соглашаемся, что есть люди знаменитѣ насъ, богатѣе, прекраснѣе. Много если пожалѣемъ о себѣ, что лишены такихъ преимуществъ, и позавидуемъ имъ, которыхъ ихъ имѣютъ. Но признаясь чистосердечно, что мы кого нибудь глупѣе, ужасно для нашего самолюбія, и трудно избѣжать пому нашей ненависти, что станешь говорить намъ о сей несносной для насъ истинѣ.—Такое чрезвычайное къ уму приспращіе происходитъ, кажется, отъ внутренняго удостовѣренія въ превосходствѣ сего божественнаго дарованія. Ему обязаны мы отличнымъ достоинствомъ существа своего. Кромѣ его, что можетъ внушить намъ презрѣніе къ живопнымъ не одного съ нами рода? Чѣмъ похвалимся мы предъ ними? — Сильнѣе ли Милонъ слона? прелестнѣе ли Антиной павлина? важнѣе ли Парацельсъ Индѣйскаго пѣтуха. Въ коварствѣ лисица поспоритъ съ самымъ шоннымъ полизикомъ, а въ хищничествѣ шигръ не уступитъ никому изъ завоевателей. Пусть угаснетъ въ человекѣ сія небесная искра,

и онъ сполько же будешъ имѣть права называться царемъ природы, какъ и всякая обезьяна.—Если умъ столь для насъ драгоцененъ; если другіе преимущества столь предъ нимъ ничтожны: то съ какимъ рвеніемъ должны мы спремиться ко всему, что можешъ пишатъ его и возвыситъ. Каждое здѣланное нами размышленіе, особливо когда опираешъ неизвѣстную намъ до того истину, или хотя умножаешъ только число нашихъ понятій, должно восхищатъ насъ, а упражненіе такого роду бытъ пріятною и необходимою для насъ потребностію. Въ самомъ дѣлѣ, чувство сей потребности и желаніе удовлетворитъ ей бывающъ въ чловѣкѣ сильнѣйшею изъ спраспей. Исторія представляешъ удивительныя тому примѣры. Сей проводитъ жизнь свою въ прудныхъ и опасныхъ путешествіяхъ съ единственнѣмъ наміреніемъ распросранитъ кругъ своихъ познаній; потъ, среди ужасовъ и разрушенія покойно наблюдаешъ смертоносныя явленія (а); иной каплю мудрости предпочитаешъ бочкамъ золота (b);

(а) Плиній старшій.

(b) Друзья Анаксагоровы просили его, чтобы онъ упошребилъ нѣсколько часовъ для приведенія дѣла своихъ въ порядокъ. Могу ли, отвѣчалъ философъ, раздѣлять время мое между дѣлами и ученіемъ, когда я каплю мудрости предпочитаю бочкамъ золота!

другой, испоргнувъ у себя зрѣніе, опчуждается, шакъ сказашь, ошъ всей природы, чшобы жишъ и занимашъся однимъ умомъ (с). Такова его очаровашельность! И быспро приближидось бы чловѣчество къ возможному своему совершенству, еслибъ она одинаково на всѣхъ людей дѣйствовала. Къ сожалѣнію, не трудно увидѣшь разительную показаннымъ образцамъ прошивуположность. Весьма многіе въ отношеніи къ ихъ уму походяшъ на шакого вишыа, который, паская при себѣ изъ одного хвасношства свой мечъ булашный, не забошится ни мало, что онъ часъ ошъ часу болѣе шупѣетъ и покрываешся ржавчиною. Посмошримъ, на примѣръ на шакого нибудь моднаго вершопраха, съ какимъ усердіемъ и опасеніемъ всякую почши минуцу оправлаешъ ошъ свою пѣшущью причоску (à la соq); но въ десяти дѣшъ не взглянешъ на бѣдное сосшояніе своего умища. При всѣмъ шомъ гораздо болѣе польстишъ его самолюбію назвашь его просвѣщеннымъ чловѣкомъ, нежели когда ему скажешъ, что онъ, нося на чловѣческомъ шуловищѣ ослиную голову съ пѣшущимъ гребнемъ, ешъ чудо ешества и сокровище куншшамеры. — Что же думаешъ о людяхъ, которые ненавидяшъ просвѣщеніе и бѣгаютъ ошъ него какъ ошъ чумы? Тѣ, которые бла-

---

(с) Демокришъ,

гословляють невѣжество по долговременной
 въ нему привычѣ, заслуживають всякое
 снисхожденіе. Естественна ли, чѣобы чело-
 вѣкъ, родившійся и выросшій во иракѣ, могъ
 прославлять лучи солнца, которые въ первый
 разъ поражаютъ слабое его зрѣніе. Мало по
 малу ощутивъ онъ благошворное ихъ дѣй-
 ствіе, и тогда не позавидуешь прежнему сво-
 ему сословію. О пѣвѣ же, которые не пер-
 павъ свѣта наукъ, какъ бы по особой
 своей природѣ, справедливо можно заклю-
 чить, что они чужь филины и неопырк
 рода человеческого; но какъ въ угожденіе
 мышамъ летучимъ не угаснетъ солнце въ
 мірѣ, коимъ управляетъ премудрое Боже-
 ство, такъ въ угожденіе мизософамъ не
 угаснетъ свѣтъ наукъ въ Государствѣ, гдѣ
 царствуетъ Гемій богоподобный.

О П А М Я Т И.

Впечатеніе существъ постороннихъ въ составъ бытія нашего столь велико, что отъ него преимущественно зависитъ наша цѣлостность и разрушеніе, блаженство и бѣдствіе. Сами по себѣ мы ничтожны, и для того даны намъ чувства, чрезъ которыя знакомимся мы съ природою и получаемъ впечатлѣнія отъ предметовъ насъ окружающихъ. Въ чувствахъ источникъ удовольствій нашихъ и спраданій; но что бы былъ человекъ, еслибъ прошедшее для него не существовало? — Безчувственный камень былъ бы счастливѣе насъ несказанно. Родъ человеческой истребилсябъ въ самомъ его началѣ; ибо какимъ образомъ избѣгнулъ бы онъ опасностей, и удовлетворилъ своимъ потребностямъ? Зло сіе могло бы приключиться, если бы міръ сей былъ дѣло слѣпаго случая и игры атомовъ; но онъ есть совершеннѣйшее произведеніе непостижимой Премудрости, одарившей насъ всѣми для счастья нашего нужными способностями, и между ними *памятью*. Она-то возобновляетъ въ душѣ нашей предметы, когда либо на чувства наши дѣйствовавшіе. Съ ея помощію человекъ въ другой часъи свѣта видитъ и слышитъ оставлен-

ныхъ имъ въ отечествѣ друзей; старецъ окружаетъ себя предметами, занимавшими его во время юности. Память шворитъ прошедшее настоящимъ, предметъ отдаленный присутствующимъ.

Но что такое сія удивительная способность?—Скажутъ нѣкоторые: она есть хранилище нашихъ понятій, почищаемыхъ ими за нѣчто вещественное. И такъ, по ихъ мнѣнію, мозгъ славнаго Линнея былъ загроможденъ деревьями, Декартову голову наполнили вихри, Платонову преугольники, а Эпикурову пустоша съ атомами. Ничего нѣтъ забавнѣе и несправедливѣе. Ближе къ истинѣ сѣдующее. Мозгъ нашъ, имѣя сообщеніе съ органами чувствъ, приводится во время дѣйствія на нихъ какого нибудь предмета въ нѣкоторое опредѣленное движеніе (*modification*). Въ такое точное состояніе можетъ онъ послѣ приходишь, будучи единственно волею къ тому побуждаемъ. Симъ образомъ произойдетъ въ душѣ нашей одинакое въ обоихъ сихъ случаяхъ измѣненіе ея положенія; т. е. она будетъ занята одинакимъ предметомъ или понятіемъ; и въ семъ, кажется, состоитъ память. Пребываніе ея въ мозгу доказывается тѣмъ, что малѣйшее въ немъ поврежденіе ослабляетъ ее, а иногда и совсѣмъ пригупляетъ; между тѣмъ какъ самое лишеніе другихъ частей тѣла не препятствуетъ ея дѣйствіямъ. Спросятъ: гдѣ

же понятія наши, когда мы ими не занимаемся? Ихъ имѣлъ ни гдѣ, какъ звуковъ голоса нашего, когда мы молчимъ. — Изъ сказаннаго шеперь о памяти можно заключить, что совершенство ея зависить преимущественно отъ щасливаго устроения органовъ чувствъ и ея собственнаго. Афинскій полководецъ Семисполкъ и математикъ семнадцатаго вѣка Паскаль были много въ себѣ обязаны природѣ. Они имѣли шоль удивительную память, что первый въ годѣ совершенно выучился Персидскому языку; а послѣдній, пока не ослабѣлъ въ здоровьѣ, никогда не забывалъ того, что слышалъ, видѣлъ, или читалъ. Не всѣ однако Семисполкъ и Паскаль; не всѣмъ равно благошворить природа; но есть способъ усовершенствовать память, безъ которой прочія душевныя способности почти недѣйствительны и бесполезны. Способъ сей — *насыкъ*. Чѣмъ чаще и продолжительнѣе бываетъ въ душѣ какое нибудь измѣненіе ея положенія, тѣмъ съ большею удобностію оно въ ней возобновляется; ш. е. чѣмъ чаще представляемъ себѣ какой нибудь предметъ, чѣмъ долѣе останавливаемъ на немъ вниманіе наше, тѣмъ съ большею скоростію и ясностію возраждается въ насъ понятіе такое. Подобно сему персты начинающаго учиться на какомъ нибудь музыкальномъ орудіи сперва медленно и неопредѣленно движущся, но при по-

споянкомъ упражненія гибкость ихъ и проворство увеличивается, а наконецъ безъ всякаго почпи усилія и вниманія со стороны музыканта дѣйствуютъ съ удивительною живоспію и точностію.

Щасливъ, кто съ младенчества занималъ память свою предметами, достойными человека; кто въ младости богалъ уже полезными знаніями. Легко для него путь къ просвѣщенію. Но и въ прошивныхъ общенельствахъ должно ли опчаяваться? Никакъ. Поперя велика, однако можетъ быть вознаграждена сугубо. Славный Капонъ (Цензоръ) учился въ лѣтахъ уже совершенныхъ, и превзошелъ многихъ, съ дѣлства науками занимавшихся. Несравненный Петръ образовалъ великаго народа, образовалъ умъ свой, бывъ на провѣ и въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Въспомо того, чпобы ропшашъ на слабоспъ памяти, надобно прудиться. Тогда съ удивленіемъ увидишъ каждыи испину сихъ словъ: прудъ и шерібніе все преодолвають.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ПАМЯТЮ, ВООБРАЖЕНИЕМЪ и РАЗСУЖДЕНИЕМЪ.

Память, говоритъ Кондильякъ, есть начало воображенія, коего сила еще не увеличилась; воображеніе есть также память, достигшая всей живости, къ коей она способна. И такъ память и воображеніе суть двѣ степеня дѣйствія одной душевной способности. — Если можно сію душевную способность примѣнить къ ногамъ, то, по мнѣнію Кондильяка, ходитъ — значитъ памятовать, а бѣгаетъ — воображаетъ; ибо что такое ходъ, какъ не самой тихой бѣгъ, и что такое бѣгъ, какъ не самой скорой ходъ? Но кто легко ходитъ, тотъ легко и бѣгаетъ, напрошивъ сего не всякой при хорошей памяти живое имѣетъ воображеніе. Съ худою памятью трудно, почти невозможно здѣлаться ученымъ, не всякой однако ученый вымыслилъ Армидинъ замокъ. — Правда, что воображеніе не можетъ существовать безъ памяти, которая снабжаетъ его, такъ сказать, матеріалами не вмѣшиваясь въ распоряженіе ими. Посадитъ Юпитера на облако, приставитъ къ нему ужасное лице съ всерносящими глазами, съ длиною, вкосо-

ченною бородою и дашь ему въ руни перунъ ешь дѣло воображенія; надобно однако, чшобы напередъ память доспавила ему поняшю обѣ облакъ, бородѣ и пр.

Въ другомъ мѣстѣ Кондильякъ говоритъ: когда мы посредствомъ разсужденія замѣтили свойства, коими предметы другъ отъ друга различающся, то симъ же разсужденіемъ можно совокупить въ одинъ предметъ свойства, разсѣянныя во многихъ. Такъ стихотворецъ, на примѣрѣ, составляетъ себѣ поняшю о герое, который никогда не существовалъ: тогда производимыя понятія суть изображенія, въ одномъ только умѣ дѣйствительное бышю имѣющія; и разсужденіе, которое дѣлаешь сіи изображенія, принимаешь названіе воображенія. — Теперь можно вывести слѣдующее умозаключеніе: память ешь воображеніе, а воображеніе ешь разсужденіе; и такъ память ешь разсужденіе; что однако для меня сомнительно. Попугай имѣетъ память: онъ можетъ зашвердить, наизустъ слова Французскаго языка, но никогда не пойметъ Боссюешовыхъ проповѣдей, и того незбыточно, чшобы самъ дѣлался проповѣдникомъ. Я слышалъ отъ охотниковъ, что гончіе во смѣ лающъ, слѣдственно онѣ бредящъ — можетъ бышь — о зайцахъ, но не думаю, чшобы гончіе разсуждали обѣ охотѣ, подобно своимъ господамъ. Буцефалу, знаменишѣйшему между лошадей-

ни, могло также пригрѣзиться сраженіе при Арбеллахъ, однакожъ онъ не оставилъ историческихъ записокъ о семъ славномъ происшествіи. — Воображеніе и разсужденіе такъ сходны между собою, какъ холодный Генварь и знойный Іюль. Человѣкъ, обуреваемый спрасками, не разсуждаетъ, но слѣдуетъ воображенію. Молодые люди большею частію имѣютъ воображеніе пылкое и неосновательное разсужденіе; прошивное пому видимъ иногда у пожилыхъ. Телемаку нужно было не воображеніе, но разсужденіе Меншора. Первое, не будучи обуздываемо послѣднимъ, подобно быстрымъ огненнымъ конямъ Феба, влечетъ стремительно надъ безднами, зажигая къ чему ни приближись, и несчастный Фаэтонъ, не умѣющій управлять имъ, дѣлается его жертвою. — Однимъ словомъ: я не понимаю, какимъ образомъ глѣшь, воображеніе и разсужденіе могутъ быть одною душевною способностію, различно только дѣйствующею. Опроверганъ Кондильяка была бы для меня дерзость непростительная, но сомнѣваться позволено каждому, кто желаетъ научиться размышлять справедливо; въ чемъ, какъ и во всемъ, дѣлательное упражненіе есть одно изъ надежнѣйшихъ средствъ къ успѣху. Сомнѣніемъ я не опасаясь прогнѣвашъ шѣнь славнаго сего философа.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОЗЪБУ

къ

АЛЕКСАНДРУ I

ДОСТОЙНѢЙШАГО СЫНА ФЕЛЬДМАРШАЛА
 РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО,

О ДОЗВОЛЕНИ ЕМУ ВЪ ЧЕСТЬ ОЦА СВОЕГО ПАМЯТ-
 НИКЪ ВОЗДВИГНУТЬ.

Простое воспоминаніе о Задунайскомъ, преславномъ Героѣ блестящихъ временъ Екатерины, прогаешь истиннаго Россіянина. Но какой сладостный восторгъ долженъ разлился по душѣ читающаго сей образецъ сыновней нѣжности и пламеннаго усердія къ Отечеству? Безъ сомнѣнія объ сіи добродѣтели водили перомъ знаменишаго просителя въ изящномъ изображеніи его изящнаго намбренія.

«Наждый сынъ въ правѣ воздвигать пышные монументы отцу своему. Меня убѣждаетъ сердце, что когда наровиѣ съ другими коснусь я примѣровъ, не воздамъ Задунайскому ни по заслугамъ, ни по собственной обязанности.» — Вошѣ слова, начертанныя сыномъ Россіи и сыномъ Румянцова! — Чувствуешь онъ всю цѣну заслугъ, открывшаго Россіянамъ пайну всегда побѣждать

невѣрныхъ (такъ сказалъ Карамзинъ о Героѣ Кагульскомъ), чувствуешь великость, святошь обязанности вообще, даровавшему не одну жизнь, часто бѣдственную, но и способы достигнуть вожделѣннѣйшаго блаженства: заслужишь особенную довѣренность Монарха, особенное уваженіе согражданъ и къ блеску славы опцовской придашь лучъ славы общественной.

Далѣе говоришь просишель: «слѣдую плану побужденію, я принялъ на себя поishi другою спезею и въ новомъ видѣ въ честь опца моего памятникъ поставишь.» — Взглянемъ на монументъ, который считаешь онъ достойнымъ одного изъ первыхъ Военачальниковъ Россіи, и первого своего благодѣтеля. — Великолѣпіе, искусство не ослабишь, не изумишь насъ, и кто имѣетъ сердце подобное мрамору, иди — удивляйся мраморамъ: памятникъ Задунайскаго тебѣ не пронетъ. Но для чувствительнаго — какое зрѣлище! шесть Русскихъ Офицеровъ, подъ знаменами побѣдвшихъ, изъ коихъ, можетъ быть, иной сражался при Кагулѣ, находясь убижище, покой, довольство подлѣ священнаго праха великаго вождя Россіянъ. Сими почтенными воинами окружается гробъ Задунайскаго въ время печальнаго панихидъ опправления. — Что величественнѣе и достойнѣе память мужа славнаго? Что способнѣе воспалишь быстраго юношу огнемъ непо-

бѣдимаго мужества и въ самомъ преславно-
ломъ защитникѣ опечесства пинашь искру
геройства, вмѣстѣ съ силами его исчезнуть
гошовую? — Древность гордится онымъ
пышнымъ, хладнымъ, ничтожнымъ мавзо-
леемъ! Скромный, живой, благотворный па-
мятникъ сей Задунайскаго, украшая шеперь
щасливья берега Днѣпровскія, украситъ
нѣкогда дѣлопись времени нашего. — Да
умножатся въ Россіи подобныя монументы!
и тогда забудутъ обелиски Египетскіе! —
Сіе новое, превосходное изобрѣненіе, сей
порывъ души благородной изображенъ до-
стойнымъ его образомъ. Краткость, яс-
ность, простота, благородство, живость и
разборчивость въ словахъ и выраженіяхъ по-
переменно и вмѣстѣ украшаютъ сочиненіе.
Оно, состоя въ нѣсколькихъ строкахъ, воз-
выситъ почтеннѣйшаго шворца своего надъ
многими шворцами многихъ шомовъ, огром-
ныхъ своею бесполезностію.

ПРИМЪРЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА СИЛЬНЪЕ ЗАКОНОВЪ.

Правительство есть душа гражданского общества. Ни государство, ни республика, безъ него существовать не можетъ. Благосуществуетъ ли народъ, приходитъ ли въ упадокъ: причиною тому, по большей части, правительство. Какія же средства употребляетъ оно для достижения великой цѣли — оцѣсплавить миллионы людей? — Законы и собственный примѣръ. Что оба сии средства ему необходимы, сомнѣваться въ томъ, кажется, не должно. Разсмотримъ, которое изъ нихъ сильнѣе и надежнѣе.

Законъ напоминаетъ намъ, что выгоды общественной жизни покупаемъ мы цѣною независимости своей; примѣръ удовлетворяетъ врожденной намъ склонности къ подражанію; законъ говоритъ разуму, котораго совѣтъ рѣдко намъ пріятны бываютъ; примѣръ дѣйствуетъ болѣе на сердце, коему охотно мы повинемся. Первый, будучи нѣчто отвлеченное, весьма не на долгое время останавливаетъ вниманіе наше, а послѣдній

всегда почти у насъ, шакъ сказашь, предъ глазами.

Отъ чего произошла у предковъ нашихъ пословица: каковъ Царь, шанова и орда! — она выведена изъ опышовъ многихъ вѣковъ. Издревле были въ Россіи законы, но видно что примѣръ дѣйствоваль сильнѣе, нежели они.

Великіе законодатели чувствовали истину сію. Не упоминая о Ликургахъ и Селевкахъ, скажемъ нѣчто о нашемъ Петрѣ несравненномъ.

Россія, любезное опечесшво мое! что ты была до времени Петрова? — Я невѣрю иностранцамъ, которые сыновъ швоихъ шгдашнихъ уподобляють медвѣдямъ. Хулу они на тебя произносятъ. Однакожъ, если подумаю, какихъ трудовъ стоило Петру засшавишь тебя возчувшвоваль силы швои и дошпоиншво, то могу ли не удивляться грубой швоей прешошъ и невѣжешву.

Петръ преобразилъ Россію; но его могущешвенная палица не произвела бы, подобно Моисееву жезлу, чуда надъ сею дикою сналою. Не одну власть Самодержаеааго Государя упошребляль онъ; нѣшъ! онъ соединилъ съ нею волшебную силу примѣра. Часто,

весьма часто видѣли Россіяне въ Петръ не величественнаго Монарха, окруженнаго пышными Министрами, кичливыми Военачальниками, гибкими Царедворцами, но попомъ и пылью покрываго работника среди грубыхъ, просподушныхъ поварищей его! Таюъ Зевесъ, оставя громъ и блескъ божества, снисходилъ на землю въ видѣ смершнаго. Но древній богъ сей, поделитель боговъ, принимая челоуѣческій образъ, принималъ и постыдныя слабости людей. Горе тому, кто послѣдовалъ примѣру его! Не таковъ Юпитеръ—Петръ. Онъ былъ богъ и въ порфирѣ, и въ одеждѣ проспаго гражданина, и съ громомъ въ рукахъ, и съ сѣкирою. Чудесною дѣяшельностію сообщалъ всѣмъ ошъ Министра до матроса алекприческую искру божества своего. Когда, возставъ ошъ прона, становился въ рядъ съ подданными своими, то въ темношѣ низкаго званія его искра сія блиспала ярче, нежели при свѣтѣ Царскаго величія. — На полѣ славы, во храмахъ вѣры и правосудія, вездѣ являлъ онъ собою образецъ совершенства. Робнія науки, призванныя имъ изъ странъ опдаленныхъ въ землю, населемую грознымъ чадами сѣвера, нишомцами невѣжества и оуевѣрія, чувспвовали одобреніе, видя, что могущій ихъ покровитель удостоивалъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ смиренныя еще убѣжища ихъ, и бесѣдовалъ съ ними въ Царскихъ своихъ черто-

гахъ. Тахъ великій, первый Императоръ Россійскій, служилъ подданнымъ своимъ примбромъ во всѣхъ граждaнскихъ добродѣтеляхъ. И что же?—Россія, которая нѣсколько вѣковъ дремала, вдругъ пробудилась и однимъ исполинскимъ шагомъ поравнялась съ знашнѣйшими Европейскими Державами на пути ко славі и просвѣщенію.

ГИМНЪ СЛАВЪ,

ИЛИ

Восторгъ Александра Македонскаго предъ
походомъ его въ Персію.

Славу гласъ трубный! Се ты зовешь меня
въ сѣдѣ за собою; се ты, о слава! сердца
моего единая радость, единая опрада и на-
слажденіе; слава жизнь моя, душа моя, бла-
женство мое! Слава! ты первое блаженство
мое; ты кумиръ, которому наиболѣе покла-
няюсь, и въ жертву тебѣ, гошовъ я прине-
спи и міръ весь и себя. Помыслию только о
славѣ, и прелестъ роскошей исчезнешь. Цѣ-
пи изъ сладостныхъ восторговъ составляли
для меня Сирены, и рай ушѣхъ отверзался
предо мною; цѣпи волшебныя влекли меня къ
себѣ розами, прикрытыя сѣщи ожида и меня,
и усыпленный сладостраснымъ пѣніемъ,
клонился уже я къ объятіямъ нѣги; но вос-
помянуль вдругъ о славѣ и о величии моемъ
помыслиль. Ужаснулся слабости моей, и
стыдъ наполниль душу мою. Вдругъ солнце
ошъ меня опвращилось и пѣни предковъ
моихъ воспенали: онѣ зрѣли меня въ уни-
чижительномъ забвеніи. Воспылалъ огонь на
ланипахъ моихъ; очи мои не познали меня:

ты ли Александръ? вопрошала онъ. Разверзлись небеса, и явилась слава; снишла на златное облако, махнула крылами и облещѣла вселенную. Она опустила завѣсу нощи предъ очи ѡбнвивыхъ и грубыхъ; отъ облещпанія славы померкли солнца, и непроницаемая мгла вѣчности озарилась. Возгласила подвиги героевъ, и пробудившіеся вѣни внимали ей. Ты низзрѣла на меня, и взглядомъ умильнымъ возвратила душу мнѣ, порывъ героисшва попрысѣ сердце мое и спремипельная отважность закипѣла въ груди моей; отъ единого на себя воззрѣнія, отъ прикосновенія ко мнѣ лучей божественнаго лица шного. Низспустилась съ вышины, и лививъ взорамъ моимъ чудесное нѣное сшелло, разрушила очарованіе. Тогда открыла угрожавшую мнѣ пагубу и показала сладоспраспие въ испинномъ видѣ его — въ видѣ гнуснаго чудовища. Поспыдныя спраспи спремилась порабощишь меня во время пылкой юносшии моей, и въ славѣ обрѣла я защиценіе мое. Она вознесла духъ мой и посшавила его превыше подыхъ наслажденій, избравъ меня наперспникомъ своимъ. Слава увѣнчаетъ подвиги мои, по мѣрѣ мужесшва моего увѣнчаетъ ихъ. Съ младенчесшва возлюбилъ я славу и щцашельно поучался въ науѣ брани; образцы мои, герои древности, всегда предъ очами моими, и дѣла ихъ возбуждающъ во мнѣ соревнованіе. Я буду бѣзсмертенъ съ

ними и сохраню имя мое отъ забвенія; увѣнчаешь меня слава по мѣрѣ стремленія моего въ ней: ищущему себя лешишь во сръшеніе, и отъ нерадящаго о тебѣ сокрываешься. Ты возбраняешь ничтожеству прикасаться къ великодушнымъ и храбрымъ, и велишь алчному чреву его пишашься подлыми и женоподобными; ты возраспишь лавръ мой, о слава! ты малую сѣнь его прострешь на всю подлунную; шобою преодолею коварнѣйшаго врага моего, роскошь, и вмѣстѣ съ нею повергну подъ пяту мою презрѣнную рабу ея — Азію. Сіяй, слава, во вѣки! не пресшавай блистать и тогда, когда угаснутъ солнца! Божество мое! ты избавляешь меня отъ ужаснаго небытія; ты небу меня усыновляешь! всѣ вѣки почшуютъ любимца швоего; всѣ народы принесутъ ему жершву удивленія. Спремаюсь на поприще швое! Въ концѣ его ожидаешь меня Міръ на колѣнахъ и Безсмершіе на шронѣ.

К О Н Е Ц Ъ.

